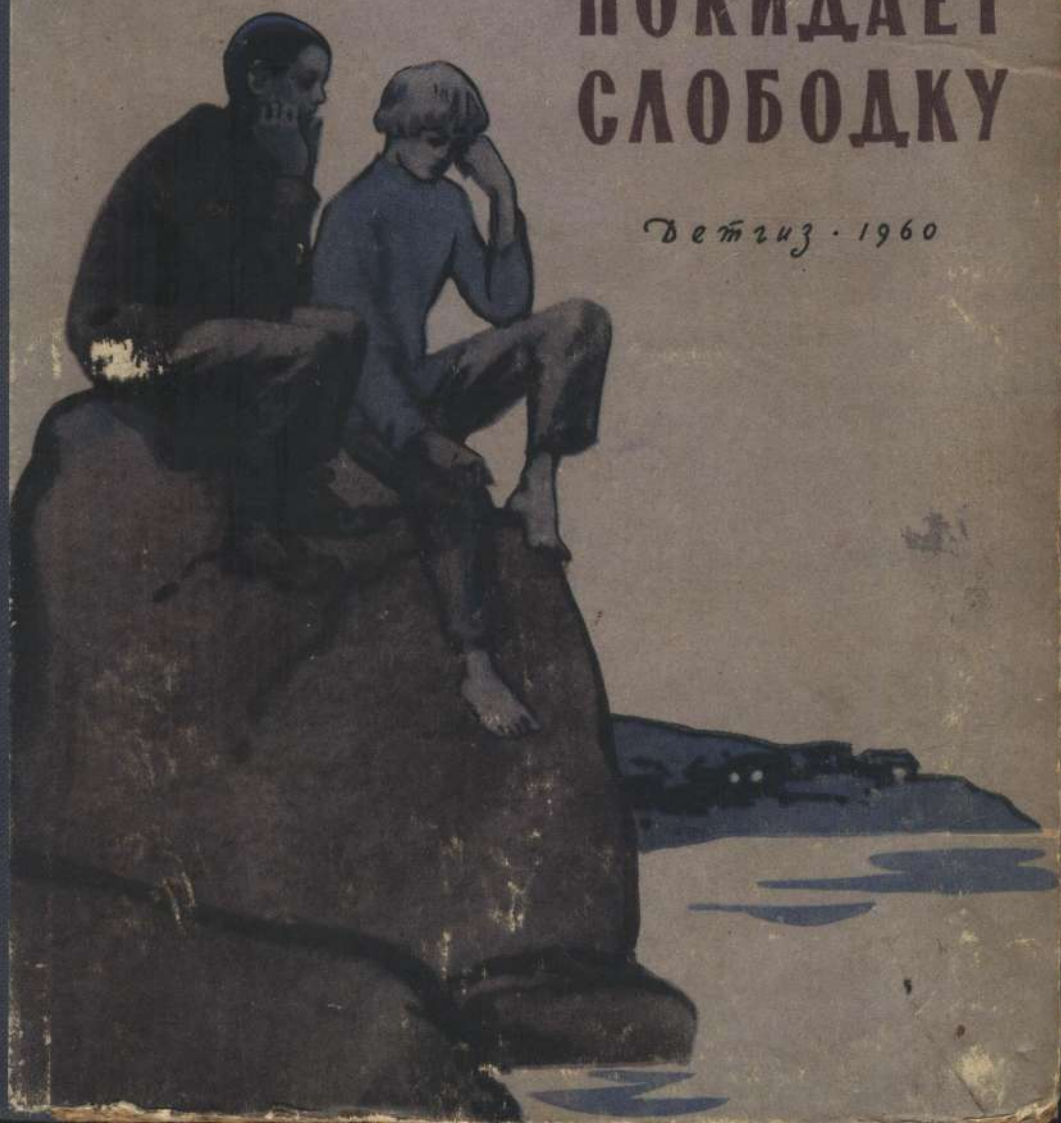

рина Волк

САНЬКА ПОКИДАЕТ СЛОБОДКУ

Детгиз · 1960

6+

Ирина Волк

САНЬКА ПОКИДАЕТ СЛОБОДКУ

Историческая повесть

Рисунки С. Монахова

Государственное *Издательство Детской Литературы*
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1960

Ирина Иосифовна Волк, журналистка, литератор, автор ряда повестей и рассказов для детей.

Три с половиной года пробыла она в качестве корреспондента в воюющей Корее. Там она написала свою первую книгу «Корея сражается» (1951). Затем вышли книги: «Конец Летающей крепости» (1953), «Эльбрус находит след» (1955), «Одиннадцать рассказов про обезьян» (1957), «Весёлые грачи» (1959) и др.

В повести «Санька покидает слободку» рассказывается о народном восстании в Севастополе в 1830 году и об участии в нём детей.

Санька теснее прижался к вязкой, холодной земле, следя за человеком, чья большая чёрная тень легла на узкую тропку и несколько секунд оставалась неподвижной. Затаив дыхание он ждал. Наконец тень передвинулась вправо, и тогда мальчик, ловко перепрыгнув через ноздреватый серый камень, кинулся в болото. Он перескакивал с кочки на кочку, уверенно обходя зелёные, яркие полянки. Так и хочется ступить на мягкую траву. И горе тому, кто не знает страшного секрета такого красивого на вид гиблого места. Раздвинется трава, жадно зачавкает топь — и пропал человек, словно и не бывало его. Но кому топкое болото, а им, слободским ребятам, — родной

дом, особенно теперь, когда в город закрыты все пути и солдаты зорко стерегут, чтобы никто из жителей Корабельной слободки не проник невзначай в Севастополь. Ну и пусть они думают, что через болото не пробраться! Где им знать тайные тропки!

Санька остановился, прислушался. Так и есть: лёгкий свист донёсся слева. Он дважды свистнул в ответ, пригнулся и прыгнул в последний раз. Через несколько минут они уже лежали рядом на условленном месте — два испытанных друга. Земля под ними была по-мартовски холодна, но зато это был укромный уголок, и сухие камышинки, колеблемые ветром, успокаивающе шелестели над головой. Они, конечно, очень обрадовались долгожданной встрече, но держали себя строго: не девчонки ведь, мужчины, хоть и по двенадцати обоим.

Солидно шмыгнув носом, Санька сказал, стараясь подражать Тимофею — соседу, квартирмейстеру:

— Ну, как там? Не слышно, что оцепление снимают?

— Нет, — вздохнул Федюня, — велят вас крепко держать. Ведь тут кругом зараза, чума...

— А ты повторяй! — неожиданно поднял кулак Санька. — Повторяй! Кто у нас чумной, кто? Это всё лекаря выдумали, а ваш лысый им потекает.

— Да я ничего, — защищался Федюня, огорчённый неожиданной ссорой. — Я ведь к тебе сюда хожу и не болею, — привёл он убедительный довод.

— Ну, то-то ж! — примирительно сказал Санька и вдруг спросил смущённо: — Принёс чего?

— Вот, вот, — торопился Федюня, вытаскивая из-за пазухи что-то завернутое в тряпицу. — Пять дней собирал. Пирог с палтусом. Намедни пекли. Мяса кусок. Мать его искала, искала, а потом давай Рыж-

ку бить: «Опять проклятый кот утащил!», — захлёбывался от смеха Федюня. — А это вот пшенца стаканчик: у стряпухи стащил, пока она к заутрене ходила. И хлеба немного. Как сядем за стол, я незаметно кладу в карманы. А бабка у меня, ох, глаза-стая: «Ты куда это, бесёнок, хлеб прячешь?»

Слушая друга, Санька одну за другой развёртывал тряпицы. Слюнки потекли, как увидел пирог: румяный, поджаристый. Он подавил невольный вздох и снова завернул пирог в тряпицу.

— Ты что это не ешь? — забеспокоился Федюня. — Или неможется?

— Маньке и Зинке, — просто объяснил Санька и выбрал самую маленькую и чёрствую горбушку. — Напиться бы! — вздохнул он, прожёвывая последний кусок. — Хочется водицы холодной, ключевой.

— А вам разве не возят? — участливо спросил Федюня. — Я давеча видел водовозов — в эту сторону поехали. Папаня говорил, бесплатно возят два ведра на день матроскам, чьи мужики на Туретчине бились. Ведь и твой батька ещё там...

Санька с ожесточением размахнулся и кинул камешек в затянутое тиной болотное «окно». Оба невольно прислушались: глубоко «окно», не скоро булькнул камешек.

— Бесплатно ничего не возят, — тихо ответил Санька. — «Плати две копейки за ведро!» А где их взять-то? Мамка плачет — не пускают её на базар лепёшками торговать. Муки нет, дров нет, лук осенью на огороде сгорел, — перечислял Санька все беды. — Кругом у нас в слободке так. Это вы, писаря городские, хорошо живёте, — кольнул он друга.

— «Хорошо!» — отмахнулся Федюня. — Думаешь, папане моему легко? Начальник как начнёт над ним

издеваться, как начнёт... Папаня придёт из его дома — лицо красное и даже руки дрожат.

— Ну, я так, — смутился Санька, — я не в обиду. Писаря — они тоже за нас есть, которые...

Вдруг неподалёку раздался крик: жалобный, тягучий. Ребята мгновенно кинулись туда и, добравшись почти до самого большака, залегли в камышах. На дороге, прямо перед ними, стояли две подводы. Стражники окружили возы. Немолодой бородатый крестьянин валялся в ногах у стражников:

— Не погубите, ваше благородие, здоровый я!

— Сейчас выясним, дружок, — спокойно говорил невысокий человек в кителе военного врача. — А ну, покажи, что у тебя на руке?

— Чирий, ваше благородие, — торопливо обнажая руку, повторял крестьянин, — чирий, честное слово, чирий!

— Шрамков, это лекарь Шрамков! — весь дрожа прошептал Санька. — Вона как лютует...

Взглянув на обнажённую руку, Шрамков отпрянул в сторону и пронзительно крикнул:

— Эй, мортусы!

По дороге уже медленно двигалась страшная процессия: чёрные фигуры в капюшонах, в кожаных, наглухо зашитых костюмах, облитых смолой, с длинными крючьями в руках, приближались к объётому ужасом крестьянину.

— В карантин! Чумной бубон на руке, — сказал Шрамков и уже тише приказал стражникам: — Возы заверните ко мне во двор. Ночью будем сжигать продукты. В пищу пускать опасно.

Мортусы зацепили крестьянина крючьями и, не обращая внимания на его отчаянные вопли, поволокли за горку, туда, где размещался карантинный лагерь для чумных.

Стражники повернули лошадей, и лекарь Шрамков, посвистывая, тронулся за подводами.

— Знаешь, — чуть не заплакал Санька, — завтра же шрамковский денщик этот провиант продавать станет. К нам и привезут. Мамка последнюю юбку отдаст. ...

Ребята затихли. Федюня вскрикнул:

— Гляди-ка — обратно идут!

Мортусы, сняв маски и капюшоны, шли по дороге, весело переговариваясь. В руках у одного была длинная посконная рубаха, второй разглядывал домотканые порты и белые широкие онучи.

— Раздели мужика! — охнул Федюня.

На дороге, ведущей к Павловскому мыску, появилась женщина в тёмном платке. Мортусы подождали её. Мальчики не слышали, о чём идёт речь, но видели, как женщина крутила в руках вещи, покачивая головой. Потом, приподняв юбку, вытащила из внутреннего кармана запрятанные медяки и протянула их мортусам. Они жадно схватили деньги и повернули к городу.

— В кабак! Пропьют сейчас мужикову одежонку, — вздохнул Санька. — А кто же это у них купил?

Женщина спокойно шла по дороге. Когда она поравнялась с тем местом, где лежали ребята, Санька схватил друга за руку.

— Так это же Щекотиха! Скупщица. Её одну и пропускают мортусы. У, змея! — шептал он возбуждённо. — И у мамки отцовы порты купила венчальные. ... За сухой каравай. ...

Потом он приподнялся и спросил деловито:

— К нам пойдёшь?

— И то, — согласился Федюня.

Путь предстоял немалый. От болота, которое подступало к самому городу, до Корабельной слободки

было версты три с лишком. Ребята выбрались из топи, миновали широкий овраг и вышли к берегу моря. Неяркое мартовское солнце отражалось в воде, волны несли мутную белую пену, и она застаивалась у берега. Федюня поднял голову вверх: родной город лежал перед ним на трёх холмах. Светились, словно начищенные мелом, стрелки на часах адмиралтейства. На башне Павловского мыска можно было различить едва заметную фигуру часового: здесь находилась главная тюрьма, куда со всех кораблей и из города доставлялись под строгой охраной всяческие нарушители установленного порядка. На воде, в конце Южной бухты, покачивались блокшивы — большие плавучие арестантские бараки.

Санька шагал шибко. Его босые, покрытые цыпками ноги так и мелькали по песку. Федюня, обутый в непомерно большие старые отцовские яловочные ботинки с ушками, едва поспевал за другом. Они осторожно миновали второе карантинное оцепление и очутились в Корабельной бухте. У самого берега начиналась Корабельная слободка. Как-то раз ребята попробовали пересчитать все дома. Их оказалось триста пятьдесят два! Но какие это были дома! В крутом склоне мягкой известковой горы вырублены пещеры. Три стены — это те же скалы. Только наружная стена была сложена из этого нарубленного желтоватого камня и глядела вперёд подслеповатыми слюдяными оконцами. Настоящих домов, с четырьмя деревянными или каменными стенами, с крышей, было не более двух десятков, и жили в них кабатчики или лавочники. Ютилась в Корабельной слободке самая горькая севастопольская беднота — рыбаки, матросские вдовы, яличники, отставные солдаты.

Днём в Корабельной слободке обычно было тихо.

Одни матроски с рассвета уходили в город на базар, неся на головах тяжёлые корзины с незатейливой снедью, приготовленной ночью. Другие спешили в богатые офицерские дома постирать, сделать приборку. Но в последнее время солдаты зорко охраняли все входы и выходы, и женщины стояли возле своих домов, безучастно глядя на копающихся в пыли ребяташек или негромко разговаривая с соседками. Лица у всех были истомлённые, бледные.

Ребята уже входили в слободку, когда сзади слышался конский топот. Они едва успели отскочить в сторону: мимо друзей промчался конный отряд. Изпод лошадиных копыт вырвалась галька, и Федюня зажмурился: мелкие камешки осыпали его колючим дождём.

Санька сказал испуганно:

— Уж не к дяде ли Грине?

— А почему к нему? — встревожился Федюня.

Санька отрывисто пояснил:

— У него намерении жену и дочку Клавку лекари в карантин бросили. Они здоровые были, а теперь, слышно, помирают там. Лекарь Ланг их от чумы лечил, в море купал, — Санька даже зябко поёжился. — Студёное море-то! Вчерась за дядей Гриней пришли и младшенькой, Танькой, а он не дался. Мертусы окружили дом, он тогда выстрелил из ружья, чуть не убил одного.

И впрямь возле дома плотника Григория Полярного толпился народ. Свой небольшой домик Григорий строил много лет из занесённых прибоем брёвен, из досок, выпрошенных в адмиралтействе. Он заботливо выпилил затейливые резные наличники для окон. На крыше, к общему восхищению слободских ребяташек, держал хвост по ветру деревянный раскрашенный петух. Сейчас мирный домик походил на

маленькую крепость: окна были заставлены чем-то изнутри, а из приоткрытой двери грозно торчало дуло ружья.

— И ваш тут, и ваш лысый, — зашептал Санька и вместе с Федюней припустился к домику, возле которого с трудом осаживал пару сытых коней знакомый Федюне кучер Степан.

Неподвижно застыл отряд, построенный в квадрат. А впереди, поглаживая седую бороду и приосанившись, стоял самый ненавистный слобожанам человек — генерал-губернатор Севастополя Столыпин, по прозванию «лысый». Возле него крутился, грозно поглядывая на толпу, адъютант с трудной и непонятной фамилией — Делаграмматик. Время от времени он кричал визгливо:

— Попрошу отойти в сторону, попрошу!...

Крики эти были излишни: слобожане и так не подходили близко к начальству, толпясь поодаль.

Сделав два шага вперёд, Столыпин заговорил мягко:

— Ты, Григорий Полярный, преступаешь царскую власть. Против государя императора идёшь. Бунт устраиваешь. Раз признали у тебя чуму в доме — должен повиноваться.

Из-за двери хладнокровный, твёрдый голос произнёс:

— Нет у меня в доме чумы. И во всей слободке нет. Её лекаря выдумали. А дочку младшую на издевательства не отдам. Там беспрерывно помрёт. Уходите лучше, ваше благородие, подобра-поздорову.

Лицо генерал-губернатора побагровело. Он закричал пронзительно:

— Грозишь! Мне грозишь? Царскому слуге? Я тебя, голубчик, живо выучу! — И, повернувшись к солдатам, взвизгнул: — По дому огонь!

Но солдаты не торопились выполнить приказ. Прошло несколько минут, пока раздался недружный залп. Санька, до боли стиснувший руку приятеля, видел перед собой взволнованные, испуганные лица солдат. Вот один опустил ружьё и словно боится его приподнять. Другой потирает глаз — должно, соринка попала.

— Огонь! — кричал адъютант. — По бунтовщику огонь!

Снова раздался залп, и пули, врываясь в слюдяные оконца, оставляли круглые, еле заметные ранки. Дверь распахнулась, и на пороге появился Григорий. Смуглый, с горящими глазами и спутанными волосами, в расстёгнутой на груди рубашке, он был страшен. Все на минуту оцепенели, а Григорий, подняв

ружьё, выстрелил в адъютанта. Делаграмматик пошатнулся и упал. Он был мёртв. Столыпин, вскрикнув, повалился на руки подскочивших подчинённых: выстрел из ружья Полярного опалил генералу лицо. Григорий тем временем захлопнул дверь, забрался на чердак и снова высунул через слуховое окно своё ружьё. Но силы были слишком неравны. Солдаты сломали дверь, ворвались в дом и выволокли Григория на улицу.

Столыпин махнул рукой:

— Расстрелять на месте!

Грянули недружные выстрелы, и плотник рухнул на крыльцо собственного дома. Открылась дверь, и трёхлетняя Танька, босая, в розовом помятом платице, появилась на пороге. Она тёрла ручонками глаза и, увидев лежащего отца, закричала:

— Тятя!

Громко заплакала какая-то женщина, и вся толпа слобожан, дрогнув, рванулась к дому.

— Трогай! — срывающимся голосом крикнул, забираясь в коляску, Столыпин, и кони схватились с места. За ними медленно пошли солдаты, унося на шинелях тело адъютанта.

А толпа, которая только что была такой тихой и безмолвной, сейчас шумела, как море во время шторма. Высокий темноглазый человек поднял руку, и все притихли.

— Видели, братцы? — спросил он глухо. — Видели, как матросики без суда и следствия за правду гибнут? Запомните! — Он повернулся к крыльцу, снял шапку и отвесил убитому поклон до самой земли.

Слобожане на руках внесли мёртвого в дом, и старухи, всхлипывая, начали убирать его в последний путь.

Бледный, испуганный Санька, заглядывая в дверь, увидел мать. Он и не заметил, что она была тут же, в толпе, и вместе со слобожанами вошла в дом плотника. Сейчас она появилась на крыльце, держа на руках крохотную Таньку, которая таращила на всех большие чёрные, как у отца, глаза.

— Неси домой, — сказала Наталья, передавая Таньку сыну, — а я тут пока её платьишки соберу.

Санька поглядел на мать. Что это она задумала? Ведь и так двое девчонок на руках, а помощи нет ниоткуда. «Неужто к нам взять хочет?»

— Неси, неси, — твёрдо сказала Наталья, уловив взгляд сына, — что же ей теперь, сиротинке, помирать тут? Ничего! Не объест она нас, кровиночка...

Санька повернулся к Федюне. Они сложили руки крест-накрест, на этот тёплый стульчик уселась Танька и, ухватившись ручонками за шеи мальчиков, начала что-то болтать.

— Федюня! — послышалось вдруг сзади, совсем рядом.

Мальчики обернулись. Из переулочка показалась высокая тоненькая девочка. Её светлые косички, перевязанные красной тесёмкой, падали на плечи.

— Идём с нами, Нюшка, — сказал Санька.

И девочка зашагала рядом, время от времени ласково поглаживая Таньку.

Нюша, по прозвищу «Соловей», была единственной девочкой, которую друзья приняли в свою компанию. Она была совсем как мальчишка: весёлая, смелая, неутомимая. А самое главное, у Нюши был брат — Алексей Соловьёв, юнга тринадцатого флотского экипажа. Он был всего на несколько лет старше Саньки и Федюни, но уже не играл с ними, как прежде, а горделиво проходил по слободке с видом заправского моряка в компании таких же пятнадца-

тилетних юнг, как он сам. Они шли вразвалочку, подражая взрослым, трое юнгов — Василий, Иван и Конон. Ленточки флотских бескозырок вились по ветру, и Санька с невольной завистью отводил глаза: что ни говори — матросы!

Нюша знала, что друзья в глубине души завидуют её брату, что они тоже мечтают стать юнгами и, как настоящие матросы, ступить на покачивающуюся палубу фрегата «Добрый» или «Мирный», и осторожно старалась развенчать в глазах Федюни и Саньки увлекательную профессию юнгов. Словно невзначай, рассказывала она о брате:

— Пришёл нынче, глаз запух. Боцман ударил; говорит — плохо приборку сделал на палубе.

Санька, не утерпев, спросил:

— И сильно бьют?

— Алёша рассказывал, линьками бьют, — узенькие плечи Нюши вздрагивали, — верёвками такими. Сложат их — и по голой спине. . . Алёшу ещё ни разу не били, а других. . .

Санька умолкал: вот и завидуёшь матросам, а им тоже не легче жить-то. . .

Все вместе они вошли в крохотное Санькино жилище. Сестрёнки с радостным визгом кинулись навстречу брату. Он торопливо принялся вытаскивать из тряпиц всё то, что ему принёс Федюня. Разложил всю снедь на свежевыскобленном столе и разделил поровну на пять частей. Получив свою долю, девочки забрались с ногами на широкую лавку и жадно принялись за еду. Из пятой порции Санька отделил горбушку и подал Нюше. Она отвела глаза:

— Тут и так мало, Сань. . .

— Это тебе, — Санька тряхнул головой, — а я уже ел давеча в болоте. Правда, Федюня?

Федюня кивнул головой. Ему было жаль, что друг

так и не поест, но ведь надо, чтобы и Ньюша отведала кусочек. Федюня знал, что в доме у старого отставного боцмана Соловьёва тоже голодно. Девять детей, а пенсия, ох, как мала!

Ньюша робко придвинула к себе хлеб и начала отщипывать от него маленькие кусочки. Дверь открылась, вошла Наталья. Лицо её было усталое и сумрачное. Идя домой, она в сотый раз перебирала, чем же нынче накормить ребятишек. Вот и ещё дочка прибавилась... Уж её-то обязательно покормить надо... Она увидела оживившихся, раскрасневшихся девченок, хлеб на столе. Взгляд её потеплел.

— Спасибо тебе, Федюня, — сказала она.

Мальчик вспыхнул.

— Что вы, тётя Наташа! Неужто мне трудно? — сказал он. — Только редко удаётся вырваться к вам, следят очень. Я ещё на неделе прибегу.

Санька сказал грубоватым и властным тоном хозяина:

— Там пшеница Федюня принёс, уж кулеш сварить надо...

— Хорошо, сынок, — улыбаясь, заговорила Наталья. — Ну, а вы идите пока побегайте, что вам в доме-то сидеть...

Друзья втроём вышли на улицу. Всё снова было тихо, и только где-то, наверное, у болота, протяжно и грустно кричала выпь.

Ньюша сказала, понижая свой звонкий голос:

— Искала я вас нынче с утра. Что я увидела-то!... — Она перешла на шёпот: — Страшное!

— Ну? — в один голос сказали Федюня и Санька.

— Проследила я, — продолжала Ньюша. — Поняли?

Мальчики переглянулись.

Нюша нетерпеливо отбросила прядь волос, спускавшуюся ей на лоб.

— Своими глазами видела. У бани была ночью. . .

Мальчики молча глядели на неё: неужто она осмелилась? Ну и Нюша, ну и геройская девка!

Нюша огляделась по сторонам. Улица была пустынна, но из каждого дома в любую минуту мог выйти кто-нибудь из взрослых. Она сказала нетерпеливо:

— Пошли.

Все трое кинулись вниз, к бухте. Там, около большого камня, наполовину как бы приросшего к морскому дну и покрытого седыми водорослями, они присели на песок. Море стихло, волны ласкали старый камень: гладили его морщинистые щёки и отбегали обратно, снова приближались и снова шаловливо отпрыгивали.

Устремив глаза в одну точку, Нюша негромко рассказывала:

— Проследила мортуса — Колдуна. Каждый вечер к бане ходила, где он живёт, около лагеря чумного. Вчера пришёл к нему другой мортус — Одноглазый. Будут сегодня ночью зелье варить. . .

Все трое глядели друг на друга. Федюня первый нарушил молчание:

— Когда пойдём-то?

Нюша, словно ожидая этого вопроса, сказала уверенно, как уже о давно решённом:

— Солнце зайдёт, стемнеет, ну и заберёмся туда. Всё увидите своими глазами. . .

Друзья разошлись. Нюша пошла вперёд, а мальчики медленно тронулись по улице. На широком лугу шла игра в лапту. Как всегда, было много шума и споров. Юнга Алексей Соловьёв вместе с другом Василием Нечаевым с независимым видом проходили мимо играющих, но потом оба не стерпели и, сбросив

матросские бушлаты, которые надевали для солидности, примкнули к весёлой игре. И сразу стало видно: совсем ещё малыцы, только напустившие на себя матросскую строгость.

Степан Федосеевич Соловьёв посмеивался, сидя на крылечке.

— Гляди-ка, Даниловна, наш-то матросик с ребятами играть взялся.

Мария Даниловна сказала:

— Потихе! Услышит — надуется. Гордится он морским званием.

Наташа фыркнула:

— И Нюшка наша там! Всегда с мальчишками, ровно ей подруг нет.

— Пусть играет, — нахмурился старый боцман. — Она у нас смелая, Нюша, не то что ты, Наташа, — всего боишься. . .

— Зато она матери помогает, хозяйка хорошая, — заступилась за дочку Даниловна. — Пойдём, доченька, сотрём лебеды. Мучки стаканчик я раздобыла, каких-никаких лепёшек изготовим.

К крыльцу подошёл Тимофей Иванов, кареглазый высокий человек. Он приветливо поздоровался со Степаном Федосеевичем и спросил, словно невзначай:

— Семёна не видели?

— Не бывал, — отозвался Степан Федосеевич и, помолчав, добавил: — или требуется?

— Поговорить надо, — загадочно бросил Тимофей, — насчёт чумы интересуюсь.

Оба помолчали. Степан Федосеевич заметил:

— Он правду скажет, Семён. Сам хоть и фельдшер, но из простых, из слободских. Против народа не пойдёт.

— Плохи дела, — вздохнул Тимофей. — Сегодня Григорий, а завтра. . .

К ним приблизилась молодая женщина. Тяжёлая коса два раза обвивала голову. На руках она держала черноглазую девочку. Увидев Тимофея, девочка протянула к нему ручки.

— Вот они, мои голубицы, — засмеялся Тимофей. — Если бы не они, не сдержался бы я сегодня. А тут Агаша за руку схватила, Лизка плачет. Плохо семейному, — шутливо закончил он.

Агаша, поднимая на мужа большие глаза, сказала с лёгкой укоризной:

— Душа за тебя изболелась, Тиша. Как нет тебя, так и думаю — не увижу больше. Злы все на тебя.

— Ну и пусть их! — отмахнулся Тимофей и загляделся на играющих.

Глаза его озорно блеснули: он вскочил, выхватил биту у одного из игроков, и вскоре его звучный голос уже перекатывался по широкой площадке.

Санька играл рядом с ним. Ему так хотелось остановить Тимофея и рассказать про Колдуна и его зелье. Но останавливала мысль: ведь они сами ещё пока ничего до конца не знают. Вот сегодня ночью увидят всё, и тогда...

Когда кончилась игра и раскрасневшийся, оживлённый Тимофей принялся раскуривать сигарку, Санька, наконец, решился и сказал ему тихо:

— Дядя Тимофей, мне с тобой поговорить нужно.

Тимофей давно приметил этого серьёзного, спокойного паренька, сына боцмана Ватутина. С боцманом он сызмальства дружил. И сын, видимо, в отца пошёл: неторопливый, рассудительный.

— Сейчас, что ли? — готовно спросил Тимофей, от которого не укрылось лёгкое замешательство мальчика.

— Завтра, дядя Тимофей.

— Ну, завтра так завтра, — согласился тот и вне-

запно крепко пожал смуглую мальчишескую руку: — Или удачи пожелать?

Санька растерянно посмотрел ему в лицо, хотел что-то сказать, но Тимофей уже отвернулся и весело заговорил с игроками. Санька вздохнул, разыскал Федюню, и они вдвоём отправились домой.

В слободке рано ложились спать. Догорит, дочадит остатняя лучина, и сонный храп несётся со всех лавок и с печи. Федюня с Санькой улеглись рядком на широкой лавке, притворились, что спят. Уставшая за день Наталья заснула первая, обняв тёплую Таньку. Девочки прижались к матери с двух сторон и посапывали, разомлев после непривычно сытного ужина. Федюня тоже начал было дремать, как вдруг проснулся от сильного толчка. Санька, уже одетый, расталкивал его.

— Скорей!

Они осторожно выбрались из домика и побежали к старой бане, которая одиноко стояла на самом краю слободки, среди ободранных, редких кустов. Нюшка ждала их под горой и тихонько свистнула из темноты. Теперь она шла первая, а ребята двигались за ней. Над слободкой стояла луна — круглая, жёлтая. Санька был недоволен, что она светит так ярко, и радовался, когда луна скользила за облака и на секунду всё погружалось в темноту. Осторожно добрались до старой бани и ещё издали увидели тусклый свет в маленьком оконце. Затаив дыхание они приблизились к окну и заглянули по очереди внутрь. Баня, к их глубокому разочарованию, была пуста. В печи, подвешенное на крюк, висело большое ведро, из которого валил пар. Видимо, это варилось таинственное зелье. Федюне почему-то стало страшно. Он не мог разглядеть в темноте лица своих друзей, но, случайно прижавшись плечом к Саньке, ощутил дрожь, которая прохо-

дила по телу друга. Ему стало легче: значит, и Санька боится. Зато Нюшка держалась совсем просто. Она чувствовала себя здесь как дома.

— Сейчас придут, — уверенно шептала она. — Наверное, в карантине хоронят мертвяков.

У Саньки мгновенно созрело решение.

— Полезли на чердак! — шепнул он друзьям. — Там всё услышим.

— Ой! — испуганно пискнула Нюшка.

— Давай, давай, — торопил Санька.

Ребята приставили лестницу к слуховому окну и через минуту лежали уже на чердаке, разглядывая баню в многочисленные щели потолка.

Ждать пришлось недолго. Послышались тяжёлые мужские шаги, раздались грубые голоса. Заскрипела дверь, и трое вошли в баню. Ребята затихли, сдерживая дыхание. Видно им было хорошо. Широкоплечий человек с низким лбом и шрамом, идущим через всю щеку, подбросил дров в огонь.

— Это Колдун, — шептала Нюшка. — А это — Одноглазый, а третьего не знаю. Верно, новенький. . .

Мортусы продолжали разговор, который начался, видимо, по дороге.

Сбрасывая с себя кожаный костюм, Колдун пояснял, обращаясь к третьему мортусу:

— Мортус — это слово учёное. Мне их благородие доктор Ланг растолковал, что по-латински «мортус» — это смертник, приговорённый к казни. Мы с тобой смертники и давно бы нас вздёрнули, надели бы верёвочное ожерелье — ведь мы к казни приговорены за молодецкую лихость, — а вот всё живём на свете и жить будем, потому что согласились чумных хоронить, а заболевших в карантин таскать. А если прекратится чума, значит, ненужными мы станем, порешить нас могут в одночасье. . .

— А чума есть в Севастополе? Чума-то? — нерешительно спросил третий мортус.

Колдун и Одноглазый переглянулись.

— Глупый ты ещё. Учить тебя придётся, — тихо сказал Колдун. — Видишь, вон зелье варится. Господа лекари — Ланг, Верболозов и Шрамков — самому государю императору сообщили: «Чума в разгаре». И теперь должны свою правду доказывать.

— Значит, нет её, чумы-то? — снова удивлённо и тревожно спросил третий мортус.

Колдун нахмурился:

— Не наше дело... Нам как прикажут... Опять же, раз мы на таком деле стоим, себя забывать не надо. Что в домах найдётся — то наше. Другой раз одежонка кое-какая перепадает. Кабатчики хорошо берут, подносят чарку...

Одноглазый хотел было что-то вставить, но Колдун сердито махнул рукой, и тот притих.

— Вот что, — сказал Колдун и с силой схватил за плечо новичка: — помалкивать научись, а не то... Гляди, что сейчас делать буду.

Ребята не дыша глядели вниз. Колдун раскрыл ведро, всыпал туда какую-то смесь. Что-то забурлило, запенилось, запахло чем-то едким.

— Соляная кислота, — донёсся глуховатый голос Колдуна. — Помажешь ею тело живое, так сразу кожа сходит. Вспухает от этой мази всё. Похоже становится на чумной бубон, понял?

— Понял, — донёсся снизу покорный и робкий голос.

— У меня, брат, всё давно намечено, — хвастливо говорил Колдун, — я уже знаю, в каких домах чумные объявятся. У меня на этих домах уже и кресты стоят меловые. Людишек двадцать беспрерывно на этой неделе помереть должно.

Санька не вытерпел, завозился, пол под ним скрипнул. Колдун поднял голову прислушиваясь.

Нюша щипнула Саньку до боли.

Колдун отбросил большую палку, которой размешивал зелье, и встал:

— Может, забрался кто на чердак?

Ребята кинулись к слуховому окну. Нюша первая высунулась на крышу и тихонько вскрикнула — лестницы не было. Кто-то из вошедших, видимо, отодвинул её. Санька молча посмотрел вниз, потом, оттолкнув Нюшу, схватился рукой за раму, раскачался и спрыгнул вниз. Он ударился о землю и секунду лежал неподвижно, затем вскочил и протянул руки туда к окну, где виднелся неясный Нюшин силуэт.

— Прыгай! — зашептал он иступлённо.

Нюша, не раздумывая, соскочила вниз, потом в самую последнюю минуту прыгнул Федюня. На чердак уже тяжело поднимался Колдун. Ребята, притаившись в тени бани, видели, как его грузная фигура показалась в слуховом окне. Он держал в руках зажжённую лучину, пытаясь разглядеть что-то в темноте.

Когда он скрылся, ребята без оглядки побежали к Корабельной бухте. Санька и Нюша проводили Федюню через болото почти к самому городу.

— Попадёт небось? — угрюмо спросил Санька. Федюня махнул рукой:

— Скажу, у дядьки был! Он на том конце живёт.

— А поверят? — тихонько спросила Нюша и незаметно вложила свою маленькую тёплую руку в широкую Федюнину ладонь.

Федюня почувствовал от этого прилив гордости и сказал быстро:

— Ну, а не поверят, так что ж! Не впервой! —

Он вспомнил тяжёлый отцовский ремень, затаил невольный вздох и побежал вверх в город.

А Нюша и Санька повернули обратно в слободку.

— Саня, — тихонько спросила Нюша, — как же теперь быть? Завтра Колдун по домам пойдёт...

Санька отозвался не сразу:

— Первым делом кресты надо стереть со всех домов: обойдём всю слободку. Пусть он ещё раз их ставит. А мы про всё Тимофею расскажем.

— Как днём-то стирать будем? Увидят! — опасливо заметила Нюша.

Санька взглянул вверх. Луна заливала всё вокруг ровным светом.

— Давай сейчас посмотрим, — предложил он. — Гляди, светло, ровно днём.

Нюша кивнула.

Добравшись до слободки, они шли от дома к дому, тщательно разглядывая стены. Нюша сдёрнула с себя синий фартук и, увидев меловой крест, быстро стирала его. Вот уже пять домов перестали носить на себе страшную отметку Колдуна. Следующий был дом Тимофея Иванова. И тут, на задней стене, выходящей в огород, стоял кривой, неуклюжий крест. Ребята проворно стёрли его и хотели уже отойти, как открылась дверь и на пороге появился Тимофей. Он долго вглядывался в темноту, сначала не замечая ребят, прижавшихся к палисаднику, и, наконец, услышал, как кто-то дышит совсем рядом. Тимофей сделал несколько шагов вперёд и разглядел очертания маленьких фигурок.

— А ну-ка, кто это здесь притаился? — спросил он шутливо. — Подойдите-ка сюда.

Струхнувшие ребята не двигались. Тогда Тимофей спустился с крыльца и при свете луны, выплывшей

из-за облаков, начал пристально разглядывать ребячьи лица. Засмеявшись, он приподнял вверх круглый Санькин подбородок.

— Ах, это ты, знакомец! А это, никак, Степана Федосеича дочка. Что же это вы, как недобрые люди, возле моего дома прячетесь?

— А мы кресты стираем с домов, — вдруг выпалила Нюша.

— Кресты? — удивился Тимофей.

Тогда Санька сбивчиво начал рассказывать о том, что они только что увидели и услышали в старой бане.

Тимофей слушал его не прерывая. Потом притянул к себе мальчика и ласково сказал:

— Молодцы вы! Дотошные. . . А насчёт крестов — что ж, пожалуй, напрасно беспокоитесь. Сегодня вы их сотрёте, а завтра он их опять нарисует. Лучше вот что: последите-ка за Колдуном. Как он пойдёт куда-нибудь зелье давать, шепните. . .

— Выследим! — горячо пообещали ребята и, счастливые, побежали по домам.

Тимофей постоял немного на крыльце вслушиваясь. Всё было тихо. Корабельная слободка спала. Он открыл дверь:

— Выходите, братки, всё спокойно. Это ребятишки знакомые ко мне приходили.

Трое мужчин вышли из дома, и все четверо зашагали по улице, стараясь держаться в тени. У дома яличника Кондрата Шкуропелова Тимофей замедлил шаги и осторожно стукнул в оконце. В ту же минуту открылась дверь, и Шкуропелов, высокий, плотный шестидесятилетний старик, вышел навстречу. Он распахнул калитку на огород, и все молча прошли по саду, направляясь к старому сараю. Там внутри светила воткнутая в поставец лучина. Неяс-

ный, тусклый свет падал на небольшой кособокий, приткнутый к стене столик. Две широкие лавки стояли у стен, на которых висели берёзовые банные веники и связки лука. Видимо, всем вошедшим был знаком этот сарай. Чуть наклоня голову, Тимофей и его друзья один за другим входили в маленькое помещение и усаживались на лавки.

— Говори, Семён, — первым негромко произнёс Тимофей, — пора правду знать.

Семён Цивилин, карантинный фельдшер, заговорил взволнованно:

— Я вчера с казённую бумагу переписал. Её долго скрывали даже от нас, фельдшеров. Помните, приезжали к нам пятнадцать врачей? Наше карантинное начальство хотело, чтобы они признали, что чума в городе есть, а они взяли да отказались. Глядите. — И Семён Цивилин вытащил из кармана бумажку. — Вот что они написали: «Мы по долгу службы, присяги и самой ответственности нашей доказали в присутствии гражданского губернатора и докторов, что больные люди не есть чумные, не имеющие даже особой прилипчивости, свойственной многим болезням, а также скоротечности смерти. Но если в карантине и замечена смерть, то это происходит от содержания сих страдальцев в нынешнее зимнее время в холодном и сыром сарае, где истинно не только немощный, но и самый здоровый подвергнется неминуемой смерти. Января, третьего дня, 1830 года».

Семён замолчал и сел.

Шкуропелов почти крикнул:

— Значит, правильно мы понимаем: морят людей, морят! А для чего, зачем? Чтобы самим поднажиться?

— Каково мне подчиняться Лангу, Верболозову и Шрамкову — лекарям нашим? — тихо говорил Се-

мён. — У человека желудок болит, а мне приказывают давать ему лекарство от нервной горячки, и больному ещё хуже делается. Ланг и слушать меня не хочет: «Чума! В карантин!» У матросика одного здесь в слободке, у Семёнова, рожистая опухоль была, а ему мазь с соляной кислотой приложили и в чумной барак свезли.

— Купать силком начали, — заметил Тимофей, — а это ещё к чему?

Семён махнул рукой:

— Ланг хитёр — распорядился с января всех больных в бухте купать ежедневно. А кто слабый — обливают дома холодной водой. Сразу смертных случаев больше стало. А то какая же чума, если люди не помирают? ..

— А как же, решение совета лекарей незаметно и прошло? — тихо спросил Тимофей.

Цивилин усмехнулся:

— На совете, ух, какой шум был. Флотские, штаб-овер-офицеры называли чуму выдуманной, «карманной». Есть у нас капитан первого ранга Папачристо — так он прямо кричал на Верболозова: «Вы, доктор нерадивый, находите в городе ложную чуму единственно из угождения доктору Лангу. Вам хочется, чтобы в Севастополе была чума, вам выгода сия болезнь несуществующая приносит. Прослышали мы о ваших делах и считаем их недостойными»...

— И то карманная, — с ненавистью сказал Тимофей. — В слободке ни воды, ни хлеба. Вот она и есть хлебная чума — для ворюг карантинных.

— Что же делать будем? — медленно спросил Шкуропелов.

Тимофей поднялся и ударил кулаком по столу:

— Скажем своё слово, матросское. Верой батюшке царю служим. Неужто он нас в обиду даст — позволит людишек морить в карантине! Я так думаю: назначим день и все вместе к Столыпину. Челом станем бить за правду! — Он замолчал задыхаясь.

— Прав Тимоша, — вздохнул Шкуропелов. — Все мы разумеем: нет чумы в Севастополе. Воры и убийцы придумали чуму, чтобы народ грабить.

Тимофей негромко начал рассказывать о мортусе, по прозвищу «Колдун».

— Проследили его наши детишки и дальше следить будут, — закончил он. — Поймаем — своим судом решим.

Потолковав ещё, все разошлись.

Тимофей открыл дверь в дом, и тёплая рука Агаши обняла его за шею.

— Не спишь? — спросил он ласково. — Что так?

— Не спится, Тиша, — вздохнула молодая женщина, — что-то тревожно. Не случилось бы чего.

Тимофей вспомнил крест, который только что стёрли ребята со стены его дома, и промолвил:

— Всё хорошо будет, Агаша, спи...

На другой день с утра слободка гневно шумела. Прибежавший из города Семён Цивилин принёс новость: со вчерашнего дня в Севастополе снято оцепление. Оно осталось только в Корабельной слободке.

На катере в Корабельную слободку прибыл карантинный чиновник Семёнов. Его сопровождал вооружённый отряд. Солдаты согнали жителей к бухте. Матроски молча глядели на Семёнова. Он выступил вперёд и сухо предупредил:

— Забирайте имущество, ступайте по доброй воле в карантинный лагерь. А не то барахлишко сожжём и силой погоним. Две недели в карантине побудете, а там и оцепление снимем...

Женщины зашумели:

— Ведь обещали третьего июня... через четыре дня...

— За что же ещё мучиться?..

— Не пойдём в лагерь!..

— И купаться не будем!..

— И окуривать дома не дадим!..

— Или мало на нашей кровушке поднажились?..

Семёнов растерянно озираясь по сторонам. Кругом грозные, насторожённые лица. Всё ближе подступают матроски к катеру. Вот уже кто-то из них угодил подобранным голышом в плечо солдату.

Семёнов, не скрывая испуга, приказал повернуть катер и помчался в Севастополь, прямо к Столыпину.

У Столыпина пили чай контр-адмирал Скалов-

ский, лекарь Ланг и начальник жандармского управления ротмистр Локателли.

— Принять решительные меры для укрощения в самом начале буйного действия, — заявил Столыпин, выслушав сбивчивый рассказ Семёнова.

На следующий день вечером сам контр-адмирал Скаловский появился в Корабельной бухте. Он увидел толпу людей, переселившихся из своих домов прямо на улицу.

— Почему непорядок? — спросил он грозно, пытаясь перекричать взволнованных женщин. — Почему из домов вышли?

— В дома не пойдём, нас там поодиночке передубят мортусы!.. Помилуйте от врагов! — неслось в ответ.

Скаловский круто повернулся, и Санька, как всегда пробравшийся вперёд, услышал громкий приказ:

— Оцепить слободку!

В это время в квартире лекаря Ланга проходило тайное совещание. Ланг, Шрамков и Верболозов спорили:

— Нужен новый случай чумы в слободке. Вишь, как бунтуют! — говорил Ланг. — А всё потому, что Шрамков не доглядел. Если сейчас заболит кто чумой, значит, правы мы: нельзя оцепление снимать. А так что же — тишина! За последнюю неделю и в карантине не помер никто.

Шрамков оправдывался:

— Да ведь, ваше благородие, не придумаешь сразу. Сами знаете...

— Придумать надо! — грозно сказал Ланг.

В дверь постучали. Одноглазый мортус, приниженно кланяясь, стоял на пороге.

— Ну? — приподнялся Шрамков.

— Есть одна подходящая, ваше благородие, — торопливо заговорил мортус, — если будет ваша воля. . .

— Действуйте, Шрамков, — нетерпеливо приказал Ланг, — завтра же с утра!

Когда Шрамков ушёл, Ланг нетерпеливо повернулся к Верболозову:

— Ну как?

Верболозов вытащил из внутреннего кармана кителя сложенную вчетверо бумажку и подал Лангу:

— Вот подсчёты. Двадцать тысяч пудов. Это всё, что привёз купец Власов. Теперь только через месяц новый транспорт с мукой прибудет. Значит, мука вся наша. Конечно, она маленько лежалая. Я её по двадцать семь копеек за пуд купил. . .

— Кому думаешь передать для продажи? — Ланг хлопнул по плечу Верболозова.

Тот подмигнул хитро:

— Купеческий сын Ситников берёт. По тридцать семь копеек за пуд сговорились. Такая нынче ей базарная цена. Ну, а почём продавать станет, не наша забота. . .

— В слободке по любой цене купят. Муки-то больше нет, — усмехнулся Ланг. Потом он добавил озабоченно: — Надо и насчёт крупы не опоздать. Как бы карантинные не перехватили транспорт. Слышал я, гречка идёт и пшено. . .

Верболозов перебил:

— Не опоздаем. Я на этот транспорт с санитарным обходом пойду.

Ланг снова кивнул и заговорил тише:

— Дали переписать бумагу для Санкт-Петербурга насчёт принятия особых мер против заразы чумной?

Верболозов торопливо подхватил:

— А как же! Писарь выводит по всем пунктам: сколько заболевших, какие меры приняты.

— Вот-вот! Надо, чтоб в столице знали, как мы тут радеем, своего живота не щадим, дабы заразу пресечь, — строго сказал Ланг и, словно не замечая улыбки Верболозова, многозначительно добавил: — Завтра дополнишь бумагу. Шрамков должен срочные меры принять против чумы. . .

— Примет! — весело согласился Верболозов. — Мы ему сегодня жару поддали. . .

Бабушку Матрёну знали и любили все ребятишки. Её домик был такой крохотный, что непонятно было, как в нём помещались бабушка Матрёна, её большой чёрный кот, которого почему-то звали Бе-ляк, и маленькая козочка Верка. Бабушка бродила с Веркой по холмам, и козочка, капризно мотая головой, осторожно перекусывала травку или, приподнявшись на задние ножки, тербила кусты, обгладывая листочки. Бабушка Матрёна делилась с Веркой кашей, кусочком чёрствой лепёшки, размоченной в воде. Так они обедали втроём — Беляк, Верка и бабушка Матрёна. Неизвестно было, на что она жила: дети её давно умерли, работать она не могла и питалась Веркиным молоком да крохами, которые ей приносили сердобольные соседки. Ребятишки каждый день бывали в гостях у бабушки Матрёны. Они приносили ей ягоды, собранные на болоте, рыбу, выловленную в море, свежие ветки для Верки. Бабушка Матрёна рассаживала всех на узкую лавку, а те, кому не хватало места, забирались на печь и свешивались оттуда или усаживались рядом на

полу в ожидании, пока бабушка начнёт сказывать сказки.

Часто слушали ребята её неторопливый, ровный сказ и про Бову-королевича, и про серого волка и злую ягу, и про славных молодцев, не убоявшихся злого врага. Ребята выходили из её домика словно зачарованные, а на следующий раз опять находилась новая сказка. Бабушка Матрёна знала их множество, и лились они у неё непринуждённо и привольно. И каждую сказку кончала она присказкой:

— А кому рассказываю, тому не быть злыми врагами, а смелыми молодцами, злую силу побеждать. Так-то, касатики...

Однажды утром Санька был разбужен Ньюшей. Девочка стояла перед ним бледная, заплаканная.

— К бабушке Матрёне мортусы пошли, — шептала она, — сказывают, чума у неё...

— Боже мой! — охнула Наталья, торопливо крестясь. — Ведь вчера я у неё была — здорова бабушка, только жаловалась на горло, болит, мол. Простыла, когда Верку к болоту гоняла.

Через несколько секунд Санька уже был одет.

— Я сбегая, маманька, погляжу, — сказал он, отводя глаза.

Наталья сунула ему в карман кусок лепёшки из лебеды.

— Вот передай ей, болезной. Может, ещё и обойдётся там...

Она смотрела вслед уходящим детям, и глаза её были полны слёз: нет, не обойдётся! Если уж приходят мортусы в дом — быть беде.

Санька и Ньюша быстро добежали до знакомой избёнки. Вокруг толпились женщины, раскрасневшиеся и возбуждённые. Всегда спокойная, тихая Да-

ниловна, Ньюшина мать, стояла простоволосая перед дверью и кричала:

— Не дадим старуху на мученье!

Женщины, окружавшие её, гневно выкрикивали:

— Пустите нас в дом!

— Что вы с ней делаете там, изверги?

Дверь открылась, и на пороге показался лекарь Шрамков. Он с опаской поглядел на взволнованных женщин.

— Успокойтесь, матроски, что это вы шумите? Померла старуха чумная, сейчас и похороним.

Женщины на секунду замерли, а потом тишину прорезал крик Даниловны:

— Как — умерла? Да ведь я утром у неё была, каши ей приносила! Это вы, злодеи, задушили!..

Мортусы выносили из домика труп старухи.

— Не дадим мёртвую, не дадим на поругание! — первой закричала Даниловна и бросилась к Колдуну.

В руках у женщин появились палки, увесистые голыши. Трое мортусов, закрывая голову руками, побежали прочь от дома. Один из них бросил в придорожную пыль большой мешок, наполненный чем-то. Женщины кинулись к мешку, развязали его. Это была разрубленная на куски Верка, которую мортусы прихватили из бабкиного дома.

Шрамков срывающимся голосом пытался что-то говорить, но его схватили десятки сильных женских рук. Молоденькая татарка Фатъма прыгнула, как кошка, на узкое крыльцо. Волосы её разметались по плечам.

Все знали, как Фатъма любила бабушку Матрёну. Когда тяжело заболел первенец Фатъмы, чёрноглазый Ахметка, испугалась Фатъма, что признают чумным, уволочут в карантин. Но бабушка Матрёна

пришла к молодой матери, сварила какую-то целебную травку, клала припарки на голову мальчика, и выжил Ахметка. С тех пор не было у Матрёны более преданной дочери, чем Фатьма. Фатьма закричала пронзительно:

— Ой, горе мне! Убили, убили ненаглядную! А за что? Он убил! — и одним прыжком подскочила к самому лицу Шрамкова.

Лекарь в ужасе закрыл глаза, чувствуя, что ещё минута — и вцепится в них Фатьма...

— Привязать его надо! — мешая русские слова с татарскими, кричала Фатьма. — Привязать проклятого к бабушке! Пусть ночь так пролежит, пусть страшную болезнь на себя возьмёт...

— И то, — поддержала Даниловна: — если за-

болеет враг, значит, была у бабушки чума. А коли невинный останется, значит, и есть он убийца...

Со Шрамкова стянули китель, кто-то сбегал за крепкими рыбацкими верёвками. Извивающегося лекаря крепко привязали к спине бабушки Матрёны и унесли вместе с покойницей в дом.

Потом все вышли оттуда, не обращая внимания на отчаянные вопли Шрамкова.

— Вот так и надо учить их! — воинственно сказала Даниловна и, оглянувшись, увидела мужа. Степан Федосеевич глядел на неё улыбаясь.

— Ну и мать командирша! — приговаривал он. — А я и не знал, какая у меня жинка.

— Ладно уж, — отмахнулась Даниловна, — не всё вам за правду стоять. И мы, матроски, не последние люди.

Из домика доносились какие-то странные звуки.

Старый боцман Алексей Грищенков, приятель Соловьёва, заглянул в оконце.

— Видишь, как извивается лекарь! — заметил он усмехаясь. — Не нравится?

Женщины оставили возле дома караульных и, возбуждённо переговариваясь, разошлись.

На другой вечер вернувшиеся с работы матросы флотских экипажей молчаливо наблюдали за необычной процессией: карантинные чиновники, проведавшие о случае в доме Матрёны, прислали в Корабельную слободку усиленный наряд. Шрамкова отвязали от умершей и под конвоем мортусов повели в карантин. Он шёл взъерошенный, злобный, стараясь не глядеть в злорадные лица слобожан.

— Посидишь, голубчик, узнаешь, почем фунт лиха!

— И тебе не сладко придётся в карантине!

— А ведь не заболел чумой! Здоровый!

Эти выкрики неслись со всех сторон.

Солдаты, сопровождавшие мортусов, держали ружья на изготовку, но на их лицах Санька и Нюшка, которые, конечно, были тут, подмечали невольные улыбки. Саньке даже показалось, что один из солдат, проходя мимо, подмигнул хитро.

На следующий день вышел новый приказ: флотским и адмиралтейским на работу не ходить, из слободки никто не будет выпущен.

Матросы и мастеровые собрались на широкой улице. Как же так? Значит, и работные люди не нужны в городе? Унтер Устин Семёнов крикнул:

— А ну, братцы, кто команду не знает? Айда, научу...

К нему подходили мастеровые, говорили:

— И впрямь, подучиться надо военным премудростям...

— Может, и не понадобится, а всё же...

Тимофей Иванов был тут же. Он говорил возбуждённо:

— Правильный человек Устин Семёнов, военный человек. С нами тут и боцманматы старые: Самойло Крайненко тоже унтер, Пётр Фёдоров — фонарщик. Они все премудрости превзошли...

Агаша, стоя на крыльце, торопливо крестилась. Санька, шнырявший в толпе, как и другие слободские мальчишки, увидел мать и остановился. Наталья подошла к Агаше, тронула за руку.

— Боишься? — спросила она тихо.

Агаша подняла полные слёз глаза:

— Ох, чую я, Натальюшка, пропадём мы все!

— Ничего, — твёрдо сказала Наталья. — Эх, кабы вернулся муж мой! Он ведь тоже такой неспокойный.

Они понимающе переглянулись и ушли в дом. Санька вздохнул. Теперь будут там говорить про всё интересное, а он и не услышит.

Федюня, пробравшись с трудом к друзьям, остался в эту ночь у Саньки, но, конечно, мальчишки не спали. Разве можно спать, когда на улице происходит такое: полно матросов, флотских и из рабочих экипажей — тех, кто работает в адмиралтействе. Ребята насчитали триста человек, потом сбились и начали считать снова. Они учатся маршировать, брать ружьё на изготовку, прыгать, ползти по-военному.

Три командира распоряжаются: Тимофей Иванов, старый яличник Кондратий Шкуропелов и унтер-офицер Андрей Пискарьёв.

Федюня шептал Саньке:

— Я мимо карантинных ужом прополз и только на вашу слободку взошёл, как меня пикет остановил вооружённый: «Ты куда, малец?» А я сказал: «К мамке». Пропустили. — Потом Федюня поинтересовался: — А откуда ваши ружья-то достали?

Санька отлично знал, где добыли оружие. Он важно объяснял приятелю:

— Как дядю Гриню убили, на другой день карантинные солдаты все дома обыскали: у кого ружьё взяли, у кого пистолет, у кого нож. Сложили всё это у Щекотихи в сарае и заперли. А наши вчера сарай взломали и оружие разобрали по рукам.

Федюня вздыхал:

— А мне на рассвете домой бежать надо. И не узнаю, как тут и что. . .

Не везло Федюне! Только он ушёл, как поймали Колдуна. Колдун в сопровождении двух мортусов с утра бродил по домам, заходя туда, где, как он знал, хозяин был на работе в арсенале и где дома оставались женщины и дети. Колдун не заметил, что

за мортусами неотступно следовала босоногая девчонка. Нюшка, выполняя поручение Тимофея, неслышно, как тень, скользила за Колдуном. Одним рывком отворил он дверь в дом рабочего флотского экипажа Ивана Маркелова. Нюшка, заглянувшая в оконце, увидела, как испуганно поднялась с постели жена слесаря Дарья, как прижала к груди двух малышей. В разбитое оконце Нюшка слышала каждое слово, раздававшееся в маленьком домике.

— Их благородие господин Ланг приказал лекарство тебе дать, — сипло произнёс Колдун.

И мортусы, повинувшись молчаливому приказу, вытащили из карманов и поставили на стол жестяные банки с каким-то снадобьем.

— Здорова я, — шептала побелевшими губами Дарья, — простыла только малость давеча на берегу. Бельишко полоскала...

— Чтобы не было у тебя чумы, — продолжал мортус, не слушая Дарью, — велено тебя и детей полезительным снадобьем смазать. Их благородие так и сказал: «Иначе в карантин отправить придётся...»

Мортусы шагнули к Дарье, выхватили прижавшихся к ней детей. Больше Нюшка не слушала. Она кинулась бежать к Тимофею и по дороге повстречала Саньку:

— Колдун у тётки Дарьи! — задыхаясь, крикнула Нюшка.

И Санька, всё поняв, помчался вместе с ней к Тимофею.

Он в это время был на площади и рассказывал что-то окружившим его вооружённым матросам. Увидев бледное Нюшкино лицо, услышав её сбивчивые объяснения, он сразу всё понял и вместе с матросами побежал к домику Ивана Маркелова.

Страшное зрелище представилось вошедшим. Отчаянно плакали обожжённые зельем голые ребятишки. Тельца их вспухли. А Дарья почти в беспмятстве отбивалась от Колдуна, который пытался влить ей в рот какое-то неведомое лекарство из жестяной кружки.

Матросы схватили мортусов, и Дарья, голоса, кинулась к детишкам, начала одевать их, успокаивать с помощью Ньюшки.

Тут же в доме Тимофей начал суровый допрос Колдуна.

— Не знаю ничего, — оправдывался Колдун, опуская бегающие глаза. — Я, братцы, не по своей воле лечу. Мне что скажет их благородие доктор Ланг. . . Я сам это снадобье пью.

Вышедший из себя Тимофей схватил ружьё, прицелился:

— Или расскажешь, что тебя заставляют делать господа лекари, или тут тебе и конец будет. . .

Тогда Колдун, всхлипывая и запинаясь, начал свой страшный рассказ. В доме толпились матросы. У открытого окна стояла молчаливая толпа. Ничего нового не поведал слобожанам Колдун. Он просто сознался, что никто до сих пор не заболел чумой, что нет её, чумы, в Корабельной слободке. Всё тише и тише называл он имена тех, кого решили лекари объявить чумными, тех, кого силком стащили в карантин и там замучили насмерть.

— Кого ещё? — грозно спрашивал Тимофей. — Говори!

Колдун называл новое имя, и Тимофей повторял его громко, отчётливо.

— Кого ещё? — требовал Тимофей. — Ну!

Наконец Колдун прошептал:

— Всё. . .

Тогда Тимофей яростно крикнул в открытые окна, в притихшую толпу:

— Восемьдесят человек отравлены, братцы! Восемьдесят! Ведь если чума есть — мёртвые должны быть? Вот господа лекари их и умертвили для счёта...

Мортуса Колдуна связали и посадили в пустую баню. Но то ли прозевала стража, то ли не крепки были верёвки, но утром, когда за мортусом пришли, баня была пуста: Колдун сбежал.

* *
*

Федюня несколько раз пытался пробраться в слободку, но не мог: каждый раз по выходе из города его останавливали пикетчики и прогоняли обратно, приговаривая:

— Нечего, нечего шляться по дорогам! Дома сиди!...

А Федюне так хотелось поведать друзьям все-ческие новости! Он подыскал удобное местечко для наблюдений: за широкой трубой оранжереи, которая подходила почти к самой веранде.

Шумно было в доме. Взад и вперёд сновали офицеры. А когда появились контр-адмирал Скаловский и начальник жандармского управления Локателли, Столыпин, к радости Федюни, повёл их прямо на веранду. Удобно усевшись в больших креслах, они негромко разговаривали. До Федюни донеслось:

— Я не собираюсь обсуждать, есть ли чума в городе. Не это главное. Сейчас надо не о чуме думать, а о том, что заразительнее и вреднее чумы. Бунтует не только Корабельная слободка.

На пороге показался адъютант Столыпина — Орлай, сухопарый блондин. Лицо его было покрыто

красными пятнами. Столыпин, поднявшись, сказал торопливо:

— Что случилось?

— Сегодня и в городе возмущение, — нервно заговорил Орлай. — Сейчас проходил по улице, вижу — толпятся матросы из двадцать девятого флотского экипажа. Один фуражку передо мной не снял. Я его нагайкой ударил. Тогда они меня обступили, кричат: «Поди сюда, мы тебе дадим!» Другой поднял кулак: «С первым выстрелом пойдём на помощь слободке! Скоро ли откроют огонь? Мы только того и ждём, мы готовы!»

Столыпин перекрестился, потом, хмурясь, подвинул к себе круглую хрустальную чернильницу и начал писать что-то, то и дело закусывая губу и морща лоб.

Орлай и Локателли почтительно молчали. Столыпин положил перо и, шевеля губами, прочитал про себя написанное, потом позвонил. Появился вестовой.

— Доставь письмо вице-адмиралу Патаниоти.

Федюня чуть не плакал на своём наблюдательном пункте. О чём же это пишет лысый? Он, конечно, не мог догадаться, что слободка в эту же ночь узнает содержание таинственного письма.

Ночью к Тимофею прибежал из города один из писарей. Он передал:

— Столыпин шибко затревожился — боится бунта. Давеча послал письмо Патаниоти — мол, придержи в строгости своих офицеров. Вот и вышел приказ всем офицерам неотлучно находиться при своих командах не только днём, но и ночью. Ох, и злятся! Не дают их благородиям из казарм выйти. Всё равно как на наше солдатское положение перешли.

А утром в слободку прискакал адъютант Орлай.

Толпа на широкой улице заволновалась, зашумела. Орлай грозно глядел на слобожан. Рука его лежала на кобуре пистолета. Но из толпы выступили Тимофей Иванов и Кондратий Шкуропелов.

— Потише, братцы! — весело сказал Тимофей, обращаясь к слобожанам. — Послушаем, что скажет их благородие.

Сдерживая коня, Орлай говорил громко:

— Приказ привёз царского слуги генерал-губернатора Столыпина. Выдайте зачинщиков бунта, мы накажем их линьками и розгами, а вы, слободские людишки, ни в чём не пострадаете. . .

В толпе зашумели, засмеялись. Тимофей шутливо развёл руками. Санька восхищённо глядел на него. Вон ведь какой спокойный — улыбается, ровно ничего и не случилось. Как бы научиться таким быть!

Вперёд выступил старый боцман Соловьёв. Из-за его спины выглядывал юнга Алексей. Соловьёв сказал спокойно и твёрдо:

— Мы не бунтовщики, ваше благородие, и никаких зачинщиков между нами нет. Нам всё равно — умирать с голоду или от чего другого. Будем до третьего июня ждать. . .

Орлай круто повернул коня, хлестнул его плёткой и ускакал.

А ещё через час в лиловой парадной рясе прибыл в губернаторском возке соборный протоиерей Софроний Гаврилов. Широкое красное лицо его было благодушно. Он встал в возке во весь рост, широким жестом благословляя толпу. Слобожане притихли. Что-то скажет им Софроний?

Санька с любопытством следил за всеми действиями протоиерея. Вот он положил на принесённый кем-то столик евангелие, епитрахиль, взял в руки крест и кротко начал:

— Чада мои любимые! Исполните благотворительные меры карантинной осторожности. Это нужно для общего блага, для отвращения смертоносной болезни. . .

Он говорил жалостно, и Санька увидел слёзы на глазах у многих матросок. Некоторые женщины упали на колени и крестились. Мужчины наблюдали за всем этим, стоя поодаль и обмениваясь отрывистыми замечаниями.

— Войдёте в дома, чада любимые? — спросил наконец Софроний, очень довольный тем впечатлением, которое его проповедь произвела на матросок.

И вот тут-то и начался тот необыкновенный скандал, о котором потом со смехом вспоминали слобожане. Покорные до сих пор духовные дочери теперь вдруг оказали протоиерею стойкое сопротивление. Матроски одна за другой вставали с колен и говорили:

— Больше ста дней в карантине сидим, невмочь!

— В хлебе, в воде нуждаемся, а уж что за мук! карантинные чиновники дают — глядеть страшно: одни черви!

— Купали нас в ледяной воде! Не забыли!

— Всё, что было по домам деревянное, пожгли; платье, скотину, всё, что имели, продали.

— Хватит!

Протоиерей начал было вторую проповедь о повинении и благотерпении, но его больше не захотели слушать. Тогда он вспылil, побагровел и, забыв о благотерпении, начал бешено ругать жителей слободки. Он кричал, угрожал и, наконец, в исступлении хватил крестом о собственную трость.

В толпе мужчин раздался смех. Матроски онемели от изумления, потом ближе подвинулись к попу.

— Ах вы, собаки подлой крови! Вы не христиане! — вопил разгневанный протоиерей.

Тут раздался весёлый голос Дарьи Семёновой, вдовы отставного прапорщика:

— А какой же ты сам, батюшка, христианин, коли святым крестом дерёшься? Нешто не богохульство это?

Под улюлюканье и свист разъярённый Софроний запахнул рясу и укатил в возке. Он то и дело обращивался к слобожанам, угрожающе размахивая увесистыми кулаками.

Долго ещё потешались слобожане, вспоминая необычную проповедь рассерженного попа.

— Вишь, как батюшку довели, — хохотал Тимофей Иванов, — все святые слова позабыл, а матросские словечки ему, видать, знакомы. . .

Федюня не знал, что произошло в слободке с протоиереем, но он был свидетелем того, как возок остановился у столыпинского двора и Софроний, забыв свой преклонный возраст, не взошёл, а взлетел на веранду, откинув трость. Он совал свою большую толстую руку поочерёдно всем офицерам под нос, и толстые щёки его тряслись.

— Итак, — с надеждой спросил Столыпин, — вы выполнили вашу миссию, батюшка?

— Собачьи дети! — заорал Софроний вместо ответа и стукнул тростью о пол. — Подлой крови они! Запороть их всех надо!

Федюня замер. Ох, как интересно! Что же там произошло, у Саньки? Вишь, какой поп красный. Мальчик тихонько вылез из своего укрытия и пробрался в дом. Он хотел незаметно прошмыгнуть в чулан и спрятать за пазуху съестное, припасённое за эти дни, но не нашёл на укромном месте заветного мешочка.

— А ну, иди сюда, — строго сказал отец и взял Федюню за ухо. — Ты что, или бежать собрался — сухари собираешь?

На столе в горнице лежали все Федюнины припасы, и мать тревожно глядела на сына.

— Говори, зачем собирал? — ещё строже сказал отец.

Федюня смело посмотрел ему в глаза.

— В слободке дружок у меня. Им есть нечего. . . — Он замолчал, опуская голову.

Рука отца, больно сжимавшая ухо, внезапно обмякла.

— Чума в слободке! — охнула мать. — Почто ходишь туда? Заболеешь, дитятко!

Отец широкими, крупными шагами двигался по горнице. Он повернулся к сыну, и Федюня увидел его строгие блестящие глаза.

— Поймают, проведуют — мне, сынок, несдобровать, — сказал он глухо. — Или не знаешь, где живём, в чьём доме, у кого служим? — Он помолчал немного. — Давно в слободке был?

— Пять дён назад, — проронил Федюня.

— Больных видел там? — шёпотом спросил отец.

— Нету там больных, папаня, — смело ответил Федюня, — ты сам знаешь.

— «Знаешь, знаешь»! — с внезапным раздражением проговорил отец и кивнул в сторону стола: — Убери всё это и пока из дому ни шагу. Ну, а поухнет малость, тогда и снесёшь хлеба своему дружку.

Отец вышел из комнаты, и Федюня увидел в окно, как он, сгорбившись, направляется к присутственному месту.

— Не ослушайся отца, Федюня, — вздохнула мать, — а то всем нам плохо будет.

Федюня молча собрал свои припасы в мешочек и, уже не таясь, положил их на полку в чулане. Как же он пойдёт теперь, когда отец просит остаться... Ну хорошо, тогда он дальше будет наблюдать за всем, что происходит в доме, а потом сразу возьмёт и расскажет Тимофею. Он быстро похлебал горячих щей, которые налила ему стряпуха, и побежал в своё укромное местечко, за оранжерею.

Наталья плакала. В домике было пусто. Девчонки играли где-то на улице, Санька исчез, вызванный таинственным свистом. А она, оставшись одна, принялась разбирать укладку, чтобы отобрать для продажи остатние рубашки мужа, да так и разрыдалась над открытым сундуком. Нет родного... Вот уже третий год, как нет. И ушёл как раз второго июня, в такой же вот день — погожий и тёплый. Обнял, на прощанье сказал:

— Ребятущек береги, скоро вернусь...

А ей так трудно одной! И никакой весточки нет от него... Знала, был на Туретчине, а жив ли, вернётся ли, где сейчас его корабль — кто скажет матроске?..

Дверь хлопнула, и Наталья поспешно вытерла глаза. Но Санька успел заметить, что мать плачет. Он шагнул к ней встревоженный:

— Что ты?

Она слабо улыбнулась:

— Взгрустнулось, сынок. Гляди-ка, кругом что делается.

Санька заговорил, пряча глаза:

— Я, мамка, с тобой поговорить хочу. Я, может, завтра с Алёшей в город пойду. Ты не ищи меня.

— С каким Алёшей? — насторожилась Наталья.
— С Соловьёвым. Нужно нам!
— Осторожнее, сынок. Что-то душа у меня неспокойна.

— С вечера и уйду. Я вот и калитку в огороде прибил и грабли поправил, — словно не замечая волнения матери, говорил сбивчиво Санька.

За окном опять раздался настойчивый свист, и Санька снова исчез, словно ветром его сдуло.

Наталья, вздыхая, закрыла сундук. Весь в отца сынок — до всего ему дело есть. Маленький ещё, а тоже за правду стоит. Вот отец бы порадовался...

А Санька шептался с Нюшкой всё у того же знакомого камня. Нюшка торопливо говорила:

— Папаня со Шкуропеловым разговаривал про тебя. Это ты завтра с Алёшей идёшь в город?

— Иду. А зачем, толком не знаю. Интересно ведь знать, что и как! — вздохнул Санька.

На улице шумела толпа матросов и адмиралтейских. Выделялся голос Тимофея:

— Не обманут они нас, братцы! Должны оцепление снять. Ведь и вправду чумы нет.

— А коли обманут — к Столыпину завтра же, — поддержал кто-то. — Только других предупредим, городских. Попугаем карантинщиков, чтоб знали...

Санька так долго крутился между взрослыми, что в конце концов столкнулся лицом к лицу со Степаном Федосеевичем. Тот схватил мальчонку за плечо.

— А ну, зайди, — сказал он негромко. — А ты, Нюша, сбегай за ребятами. Небось ждут.

Санька с бьющимся сердцем вошёл в дом. Лицо его горело. Вот наконец понадобился и он, Санька.

Здесь были знакомые ему люди. Прислонившись к стене, раскуривал сигарку русский кудрявый фонарщик Пётр Фёдоров. Матрос Тимофей Максимов о

чём-то тихо спорил с мастеровым Самойлом Крайненко, положив ему на плечо руку. Санька так и впился глазами в матроса. Смелый он. Вернулся из Туретчины раньше других, потому что был тяжело ранен — вон какой шрам идёт под подбородком. Высокий Устин Семёнов, почти касаясь головой потолка, что-то тихо говорил Тимофею Иванову.

Первым заметил Саньку старший слесарь Кузьма Фролов:

— А другие где же? — спросил он, и Санька растерялся: кто другие-то, что он знает?

— Сейчас придут, — отозвался за Саньку Степан Федосеевич. — А это боцмановский сынок, смышлённый. Уже послужил немало людишкам нашим. Отец его справедливый и сердцем горячий.

Санька почувствовал, как вспыхнули у него щёки от этой неожиданной похвалы, и потупился.

Тимофей Иванов ободряюще улыбнулся.

— Не студишь? — спросил он. — В город идти придётся.

— Что ты, дядя Тимофей! — срывающимся голосом ответил Санька. — Да я куда хошь... Я на любое дело согласен, я нипочём не струшу.

Дверь открылась, и один за другим робко вошли юнги — пятеро закадычных дружков. Все перестали разговаривать и внимательно глядели на подростков. Санька сразу заметил, что юнги тоже робеют, и почувствовал от этого невыразимое облегчение и гордость. Ведь они матросы уже, а он что же — пока никто.

Тимофей отошёл от Устина Семёнова и приблизился к юнгам.

— Так вот, значит, ребята, — заговорил он тихо и твёрдо, — посылает вас слободка в город. Скажите там так: жители Корабельной слободки умирают с голоду, всех их хотят истребить или сослать в Сибирь, и поэтому они решили к Столыпину идти после работы. Как колокол соборный ударит!..

Юнги и Санька слушали молча. У всех горели лица и блестели глаза.

Тимофей приказывал:

— Ты, Василий, в тридцать третий флотский экипаж проберёшься. Ты, Конон — к котельщикам восемнадцатого рабочего экипажа. Ты, Алексей, на Хребет пойдёшь. С тобой Александра посылаем. Он парень шустрый, смелый, хорошим помощником тебе станет.

Санька подумал, что ослышался: до сих пор никто ещё не называл его Александром.

Эх, если бы узнали Федюня и Нюшка!

И вдруг он увидел Нюшу. Она незаметно пробралась сюда и прижалась в тёмном уголке. На лице её был написан восторг. Она шагнула было вперёд, чтобы, по привычке, схватить Саньку за руку, но Санька засопел и сделал сердитое лицо. Тут такое дело, а она ещё выдумала, как маленького гладить!

— Завтра с рассвета и пойдёте, а теперь спать.

Санька мысленно уже пробирался с юнгой по крутой тропе слободки, носившей странное и необычное имя — Хребет Беззакония. Он знал там каждую ямку. Это была невысокая горка, застроенная хижинами и землянками, возникшая на городской земле как-то незаметно для начальства и прочно вросшая уродливым костяком в город. Здесь ютились базар-

ные торговки, грузчики, подёнщицы. Нищенский посёлок, беспокойные, ненадёжные жители.

Выйдя вместе с юнгами, Санька робко сказал Алексею, которого, конечно, уже начал почитать за старшего:

— Где мне ждать-то тебя? Я домой не хочу идти...

Нюша, конечно, тут как тут:

— А у нас переночуешь, на чердаке. Там сено прошлогоднее, хорошо пахнет. И Лёша там всегда спит.

Алексей мрачно покосился на сестру, хотел было ударить её — суётся девчонка не в своё дело, — но она, как всегда, была права, и Алексей сказал басом, словно не замечая Нюши:

— И впрямь пошли! А то проспишь ещё дома-то...

Какое там проспишь! Разве мог Санька уснуть в эту ночь! Он ворочался на мягком сене, на постланных Даниловной одеялах. Только закроет глаза и снова откроет: не пора ли? Впрочем, и Лёша не спал, хотя для порядка ворчал, как взрослый:

— Вот юла! И мне отдохнуть не даёт...

Солнце ещё не взошло, когда Степан Федосеевич поднялся на чердак, чтобы разбудить ребят, но нашёл их уже совсем готовыми.

— Ну, — сказал он строго, — глядите...

Даниловна ждала их внизу и сунула каждому в карман по горячей лепёшке:

— Ужо поедите!

Ребята пошли вперёд к берегу, а она крестила их долго, пока они не скрылись за поворотом.

Поодиночке пробрались ребята через оцепление, озираясь, шли через топь.

Выбравшись из болота, Санька и Алексей шага-

ли уже не таясь. Оба молчали. Санька почему-то теперь робел перед своим старым дружкой, который, став юнгой, возмужал, отошёл от прежних беспечных игр, завёл новых, таких же, как он, повзрослевших товарищей.

Алексей был вожаком среди мальчишек Корабельной слободки. Это он изучил все тропки в болоте и первый научился палить из старой отцовской берданки, а потом учил других мальчишек стрелять птиц на лету. Он лучше всех плавал и глубже всех нырял. Море широко раскрывало ему свои объятия. Никто из ребят никогда не слышал, чтобы Алёша соврал или нарушил своё слово. Правда, он был чересчур горяч, скор на руку. И не раз его противники возвращались домой угрюмые, с подбитым глазом. Однажды здорово влетело и Саньке. Он хорошо запомнил этот случай. Мальчишки купались, среди них был Витька Семёнов, семилетний малыш. Он боялся волн, которые гонялись за ним, и то и дело с криком отпрыгивал к берегу. Санька почувствовал внезапное презрение к этому малышу. Он сам в семь лет уже плавал наперегонки с отцом.

«Я тебя быстро научу!» — закричал он и бросил Витьку лицом в набегавшую волну.

Тот закричал, но он вторично подтолкнул его. Витька опять закричал. Его запрокинутое лицо посинело, но Санька безжалостно толкал его всё вперёд и вперёд. Ничего: испугается и научится плавать. Но вдруг чья-то сильная рука отбросила Саньку в сторону, и перед ним показалось разгневанное лицо Алёши.

«Над маленькими издеваешься!» — закричал Алексей и наотмашь ударил Саньку.

Санька покатился в воду, на секунду захлебнулся и вскочил, готовый броситься с кулаками на Алексея.

Но тот был уже далеко: он осторожно выносил из воды малыша. Притихшие мальчишки одевались. Алексей первым тронулся к слободке, бережно обнимая всхлипывающего Витьку. Все молча следовали за ним. У околицы Алексей обернулся и ещё раз погрозил Саньке кулаком:

«Узнаешь у меня, коли ещё раз посмеешь маленьких обижать!»

Все разошлись молча, а Санька, всегда напористый и дерзкий, так и не смог ничего ответить в тот раз Алексею. Он пришёл домой нахмуренный и встревоженный, и Наталья не могла допытаться, что с сыном. Ночью он плохо спал, ему всё представлялось посиневшее, заброшенное лицо Витьки.

Утром Санька, не вытерпев, отправился в дом к Семёновым. Витька тоже уже встал и копался на огороде.

Увидев Саньку, он испуганно поднял голову и отступил. Но Санька поманил его к плетню.

«Слышь-ка,— заговорил Санька, тяжело дыша,— ты не обижайся, я хотел тебя плавать научить». — Он замолчал.

Витька сказал испуганно:

«Да я ничего... — Помедлив, он добавил: — Ты меня поучи сегодня, только не так, как тогда». — Он опять замолчал и не глядел на Саньку.

Санька кивнул головой и отошёл от плетня.

Вспомнив эту старую детскую историю, Алексей посмотрел на Саньку и неожиданно засмеялся.

— А помнишь, как ты тогда Витьку плавать учил, а я вступился?

Санька тоже засмеялся и кивнул головой:

— А всё-таки научил я его.

— Как рыба плавает, — согласился Алексей. — Да ведь вырос он, осмелел.

— Выровнялся, — снисходительно заметил Санька. — Вместе с нами за мортусами следил, Нюшке помогал.

Алексей кивнул задумчиво. Видимо, мысли его были заняты другим. Он сказал, словно про себя:

— Сумеем мы там, в городе-то? Как, Саня?

Санька ответил, не задумываясь:

— Сумеем, а то что же! Свои ведь там люди-то.

Они снова замолчали и так дошли до города. Плотники рабочего экипажа жили на узкой улочке, в приземистом, ветхом бараке. Алексей остановился и робко стукнул два раза в низкое, затянутое слюдой оконце.

К удивлению ребят, дощатая дверь почти сразу же распахнулась, и им навстречу вышел высокий седой человек в белом фартуке. Это был старший плотник рабочего экипажа Иван Никитин. Он молча выслушал Алексея, который спокойно, деловито передал слова Тимофея, и кивнул головой:

— Хорошо! Ступайте. . .

Алексей и Санька благополучно обошли три флотских экипажа. Матросы везде встречали их дружелюбно, внимательно выслушивали. Немолодой бородатый унтер сунул в Санькин карман большие чёрные сухари:

— Знаю, голодаете там в Корабельной слободке. По дороге съедите.

Санька не отказался: лепёшка, которую дала Даниловна, была давно съедена, и под ложечкой начало уже противно сосать.

Оставалось лишь зайти в последнюю казарму, но около неё прохаживалось несколько унтеров, и ребята забеспокоились: вдруг спросят, зачем, откуда. . .

— Я один пойду, — решил Алексей. — Я в форме, а тут училище юнгов недалеко. Они и не подумают,

что я откуда-нибудь. А ты лучше здесь побудь. — И он покосился на рваные Санькины порты и босые, серые от дорожной пыли ноги.

Санька вздохнул. Ему очень хотелось тоже зайти в казарму, но он понимал, что Алексей прав. Ему даже показалось, что унтера и так уже подозрительно поглядывают на него. Проводив глазами Алексея, уверенно вошедшего в казарму, Санька уселся на кучу камней, лежащих на дороге, и принялся грызть сухарь. Не успел он съесть и половины, как раздались крики, шум. Растерявшийся Санька увидел, как двое здоровых унтеров вытащили Алексея и повели вдоль улицы. Из казарм высыпали матросы и кинулись за унтерами. Но тут же выбежал офицер и грозно скомандовал:

— По местам все!

Алексея тащили мимо Саньки. Он увидел его искажённое, бледное лицо.

— Отпустите! — хрипел Алексей. — Отпустите меня!

— Иди, иди, — говорил рыжий унтер с красным, словно обваренным лицом. — Узнаешь у нас, как бунтовские слова передавать!

Алексей нагнулся и укусил унтера за руку. Унтер взвыл и ударил подростка по голове. Удар был так силен, что Алексей пошатнулся и упал. Унтера подхватили его под мышки и поволокли дальше. Ноги Алексея беспомощно бились о камни мостовой.

Швырнув сухарь, Санька помчался следом. Он боялся идти вблизи и поэтому прижимался к домам и палисадникам, стараясь стать незаметным. Но на него никто не обращал внимания — мало ли оборвышей бродит по Севастополю.

Санька никак не мог догадаться, куда же они ведут Лёшу. А поняв, едва не вскрикнул. Конечно же,

это дом Федюни. Да! Здесь во флигельке живёт его отец, столыпинский писарь.

Неужели они тащат Алексея прямо к Столыпину, к злодею, который на глазах у всех слобожан приказал расстрелять дядю Гриню?..

Алексея действительно вели в дом Столыпина. Когда унтер подошёл к воротам, таща пришедшего в себя и упирающегося юношу, из калитки выскочил Федюня. Узнав Алексея, он отступил и замер.

— Бунтовщика привели, — тяжело дыша, сказал краснорожий унтер одному из часовых, охранявших, как обычно, столыпинский дом. — Ступай доложи. Куда весть-то?

Из дежурки вышел караульный офицер.

— Бунтовщик? — спросил он, с недоверием косясь на юное лицо Алексея.

Юнга гордо вздёрнул подбородок. Горело ухо, надранное пальцами унтеров, из разбитого носа текла кровь, но на лице Алексея было выражение такого непоколебимого упорства, что офицеру стало не по себе.

— Ну, волчонок! — сказал он, невольно отодвигаясь. — Обождите! Сейчас доложу генералу.

Федюня так и застыл на месте, как вдруг почувствовал, что кто-то тянет его за рукав. Он обернулся и увидел Саньку.

— В слободку надо бежать, — сказал Санька. — Сказать, что Алексея схватили. Вместе мы были, понимаешь! Его схватили, а я вот... — Санька едва не плакал.

— Ну и хорошо, что тебя не схватили, — успокаивающе зашептал Федюня. — Вот мы с тобой сперва узнаем, что они с ним здесь делать будут, а потом побежим в слободку. А если бы он один был, никто бы и не узнал ничего...

Караульный офицер вернулся и кивнул унтерам:
— Сюда...

Федюня шагнул следом. Караульные знали его и пропустили. Он потянул за собой Саньку, и тот, косясь на часовых, тоже вошёл во двор.

— А ты куда? — грозно прикрикнул один из солдат.

— Это браток мой, двоюродный. К мамке идёт за лекарством, тятка у него заболел, пропустите его к нам, — жалобно заныл Федюня.

Часовой оглянулся. Караульный офицер был далеко.

— А ну, цыть, чертеняки, — сказал он, — попадёт тут из-за вас. Сказано, никого не пропускать, а вы тут всё утро торчите...

Он замахнулся, грозно сдвинув брови, отчего добродушное лицо его сразу посуровело, и ребята, не дожидаясь вторичного окрика, мгновенно юркнули в подворотню.

Конечно, они не пошли к флигельку, а кинулись в заветное, укромное Федюнино местечко на крыше оранжереи, заросшей кустарником и широкими лопухами.

— Пойдём, пойдём, — шептал Федюня, — всё увидим и услышим...

Не дыша они глядели на веранду, куда уже вводили Алексея. Адъютант Орлай говорил злобно:

— Вот взгляните, ваше высокопревосходительство, такой щенок, а уже бунтует.

Алексея долго допрашивали. Приехали жандармский ротмистр Локателли и другие офицеры.

— Кто послал? — в сотый раз грозно требовал ответа Столыпин. — Кто тебя послал?

— Слобожане, — твёрдо отвечал Алексей.

— Так все сразу и послали! — кричал генерал-

губернатор. — Отвечай, кто, а то засечём. И зачем послали?

Алексей упрямо твердил:

— За помощью послали. Все слобожане. . .

Унтера подробно рассказали, что говорил Алексей в казарме, поэтому юнга не мог отпереться от своих слов, да он и не собирался делать этого. Вскинув глаза на Столыпина, он произнёс своим звонким, чистым голосом:

— Я сказал: помогите нам, а то пропадём, губят нас лекари!

— Какие тебе известны слова бунтарские, кем сказаны, кто тебя научил говорить это? — добивался жандармский ротмистр Локателли.

— Никакие, — спокойно отвечал Алексей, — ничего про то не ведаю.

Санька восхищался Алексеем. Небось страшно ему, а ничего не выдаёт: и про колокол молчит, который ударит нынче с соборной колокольни, после того как выйдут из адмиралтейства работные люди. Хороший брат у Ньюши, смелый!

Так ничего и не добившись, Столыпин с размаху ударил Алексея по щеке. Санька невольно дотронулся рукой до лица: удар этот словно ожёг его. Он покосился на Федюню и увидел, что тот тоже тяжело дышит.

— Посадить в холодную! — приказал Столыпин.

Алексея увели, грубо подталкивая. Санька хотел поскорее выбраться на свободу, чтобы бежать в слободку и рассказать обо всём, но Федюня шепнул:

— Обожди! Что они дальше делать будут.

А дальше началось такое, что Санька и не ожидал. Молодец Федюня! Если бы убежали, не узнали бы таких важных вещей.

Столыпин шагал взад и вперёд по широкой веранде, выкрикивая угрозы и проклятья. Он приказал увеличить караул и поставить большой отряд пехоты на Пересыпи, по которой шла знакомая Саньке дорога из города в Корабельную слободку.

Столыпин обернулся к контр-адмиралу Скаловскому:

— Поезжайте в Корабельную слободку. Сами поглядите, что они там намерены делать.

— Я только что оттуда, — пожал плечами Скаловский.

— Ну и что? — нетерпеливо переспросил генерал-губернатор.

Скаловский спокойно раскуривал сигару.

— Народ на улицах, в дома входить отказывается, но никаких военных приготовлений не видно. Женщины с детьми жалуются, плачут, говорят — не высылайте в лагерь. Всё тихо...

— Ну раз так, — с облегчением произнёс генерал-губернатор, — значит, там действительно пока ничего ещё не происходит. Но вы туда всё же ещё съездите.

— Съезжу, — согласился Скаловский. — На всякий случай я приказал полковнику Воробьёву оцепить слободку. Туда послали два батальона пехоты при двух орудиях.

— Пушки поставили, слышь! — забеспокоился Санька. — Испугаются, поди, маманя и Нюшка.

Федюня только вздыхал: там, в Корабельной слободке, уже пушек наставили, а они с Санькой отсюда сбежать не могут.

— Прошу ужинать ко мне, господа, — прощаясь с офицерами, приветливо приглашал генерал-губернатор. — Жду так часикам к шести. Икру расчудесную доставили из Одессы.

Больше уже тут нечего было слушать, и Санька с Федюней потихонечку вылезли из-за трубы и зашагали к флигельку.

— Я тебе сейчас отдам мешочек, — говорил Федюня, — там хлеб и крупа. Ты теперь не робей, — папаня знает. Разрешил. Только сказал, чтобы я пока в слободку ни ногой, а то наш лысый его под суд отдаст. . .

Федюнин отец неожиданно оказался дома. Он зашёл сюда за сургучом, который хранился в чулане. Санька, против обыкновения, испугался, смутился и хотел было убежать, но писарь остановил его:

— Это ты из Корабельной слободки? Дружок Федюни? — спросил он ласково.

— Я, — тихо ответил Санька.

Писарь глядел в открытое, спокойное лицо мальчика. Оно понравилось немолодому писарю, который перевидал на своём веку немало людей.

— Ты вот что, — обратился он к сыну. — Оставька своего дружка ночевать тут. Опасно нынче по городу ходить. Вот и сейчас одного мальчика схватили.

Санька потупил глаза. Неожиданная догадка заставила писаря взять его за плечо:

— Не твой ли дружок?

Федюня вмешался торопливо:

— Наш. Алексей Соловьёв. Боцманмата сын. Из Корабельной.

— Тише! — торопливо сказал писарь, останавливая сына. — Никуда со двора, слышали? Обождите до утра.

Он вышел и в сенях сказал жене:

— Накорми дружков-то. Голодные, чай, оба.

Стряпуха наложила ребятам каши. Санька за-

черпнул, проглотил, потом вздохнул и отложил ложку:

— Не хочется что-то!

Федюня озабоченно глядел на друга. Он понимал, что должен переживать Санька: пошли вместе с Алексеем, и вот тот схвачен, брошен в холодную, а он, Санька, жив, здоров и даже не может пробраться в слободку, чтобы рассказать о случившемся.

До самого вечера ребята томились во дворе. Бродили меж высоких лопухов и репейников, которыми поросла заброшенная часть широкого губернаторского двора.

Некоторое развлечение доставил им приезд столыпинских гостей. К дому легко подкатывали экипажи, из них выходили офицеры и разряженные дамы.

Ребята глазели на вестовых, которые из кухни через двор проворно проносились с серебряными блюдами в руках. Санька никогда не видел ничего подобного: лежат на блюдах розовые, точно живые, поросята, огромные рыбины с цветами в пасти.

— Сколько еды-то! — вздохнул Санька. — Всю слободку накормить можно! — И вдруг предложил: — Айда в город!

Федюня протянул нерешительно:

— А папаня-то?

— Да он же сказал — до вечера, — сразу же нашёл выход Санька, — а сейчас как раз и есть вечер.

Они тихонько выскользнули на улицу, минуя неподвижных часовых. Но вдруг раздались громкие звуки набата.

Ребята остановились, глядя друг на друга и не веря своим ушам. Санька опомнился первым.

— Это на колокольне соборной бьют! — закричал он. — Сейчас знаешь, что будет!

Схватившись за руки, они побежали к соборной колокольне.

Она находилась совсем близко от столыпинского дома, и мальчики были там уже через несколько минут. Прямо перед ними высокая женщина с распутившимися косами изо всей силы била в набат. Со стороны адмиралтейства раздались шум и крики. Ребята ринулись туда. Высокие кованые ворота адмиралтейства были затворены снаружи, и унтера подпирали их плечами. Но разве могли несколько унтеров сдержать напор сотен мастеровых, которые рвались из адмиралтейства! Ворота затрещали, заколебались. Вот они уже распахнулись во всю ширь, и толпа, хватая всё, что попадало под руки — ломы, кирки, тяжёлые молотки, — вылилась буйным потоком на улицу.

Из ворот столыпинского дома торопливо вышел генерал-майор морской артиллерии Примо.

— Что за бунт? — закричал Примо. — Прекратите беспорядки!

— Мучитель, изверг! — раздался женский вопль, и какая-то женщина кинулась к генералу.

Санька ахнул:

— Глянь-ка, глянь-ка...

Женщина сорвала с генерала эполеты и закричала, обращаясь к толпе:

— Что вы на него смотрите! Он с врачами заодно...

Толпа дрогнула и кинулась к Примо. Он снова вбежал в ворота столыпинского дома, и толпа, опрокидывая часовых, повалила следом. В оконные стёкла полетели камни. Люди наполнили дом, рассеялись по комнатам. Саньку, бежавшего вместе со всеми,

оттеснили, и он остался в двери. Мимо него пробежал высокий черноволосый человек.

— Дядя Петя! — крикнул Санька, узнав фонарщика Фёдорова.

Но тот, ничего не слыша, бежал вперёд через широкую веранду.

Санька, задыхаясь, кинулся за ним. Он попал в богатую столыпинскую спальню, увидел кровать с пологом и ковёр с развешанным на нём оружием.

— Где злодей? — закричал фонарщик и побежал в следующую комнату.

И вдруг Санька увидел Столыпина. Тот спускался с лестницы, шатаясь, держась за перила. Глаза его были мутны, лицо окровавлено. Фонарщик подскочил к нему и закричал:

— Братцы, вот он! Вон он, убивец!

Прибежали мастеровые, и Санька увидел только, как они поволокли Столыпина вниз по лестнице.

Санька хотел выскочить на крыльцо, но в доме было столько людей, что он не смог никуда пробраться и слышал только крики, доносящиеся со двора.

Он присел на лестницу и в изнеможении закрыл глаза. Кто-то тронул его за руку. Бледный Федюня стоял рядом.

— Пойдём скорее, — говорил он, — пойдём... Там убили Столыпина. Негоже, если нас в доме увидят, папане плохо будет...

Они побежали через двор, стараясь не смотреть в сторону крыльца. Последней, кого они увидели, была та женщина, которая первая повела толпу в столыпинский двор. Она держала в руках эполеты и кричала звонко:

— Суд правый, суд народный! Сколько людишек простых поубивал, а сам не спасся! — Женщина швырнула вниз эполеты и побежала со двора, увлекая за собой толпу.

Люди кинулись за ней следом, крича, возбуждённо переговариваясь. Двор мгновенно опустел.

Федюня торопливо говорил Саньке:

— А эти-то лекаря — Ланг, Верболозов и Семёнов-карантинщик — удрали. — Федюня хихикнул. — А Ланг ещё крикнул: «Если умирать, то умрём вместе с генералом». А потом и тягу дали.

— Я слышал, как один матрос кричал: «Отомстим за Полярного», — сказал Санька. — Это за дядю Гриню!

На улице они увидели, что матросы тащат со-

противляющегося потрёпанного Скаловского. Тот отбивался и кричал:

— Подождите, братцы, разобраться надо!

— Уже разобрались! — крикнул незнакомый Саньке матрос и мгновенно вытащил из-за голенища нож.

Скаловский ахнул и отпрянул в сторону. В эту минуту на улице показался батальон солдат. Скаловский вырвался из рук матросов и нырнул в самую середину рядов.

— Здорово прыгает! — с удивлением отметил Санька. — Ровно лягушонок на болоте.

— Прыгнешь, когда на тебя с ножом, — рассудительно отозвался Федюня. И вдруг закричал: — Гляди-ка, гляди-ка, к Софронию идут!

Толпа действительно двинулась к дому Софрония Гаврилова.

Струхнувший не на шутку поп припомнил свою проповедь в Корабельной слободке. Он торопливо облачился в церковную ризу и смиренно вышел на крыльцо, держа в руках евангелие и крест.

— Не отпирайте ворота, — предупредил он на всякий случай двух своих дюжих работников.

— Открывай! — шумела толпа. — Открывай, поп!

На глазах у Федюни и Саньки ворота были разбиты, и матросы ворвались во двор. Софроний, смиренно кланяясь, осенил их крестным знаменем.

— Убить его! — кричал низкорослый, приземистый человек. — Он злодеев благословлял на убийство. А в Корабельной слободке над народом издевался!

— Гляди-ка, гляди-ка, — шептал Федюня, — в собор тащат!

Матросы действительно поволокли отбивавшегося, красного от страха попа в собор.

— Алтарь святой оскверняете! — хрипел Софроний, упав на колени. — Бог вам не простит!

— Благослови нас на расправу со злодеями! — кричали матросы.

Софроний поднялся с колен и широким знаменем осенил толпу.

— Благословляю, чада мои, на справедливый убой! — запинаясь, проговорил он.

— А теперь расписку пиши, — раздался в наступившей тишине голос одного из матросов.

— Какую расписку, чада? — испуганно спросил Софроний.

— Пиши, что не было и нет в городе чумы. Мы у всех вас соберём расписки и царю отправим. Пусть знает правду, — говорил матрос. — Так, братцы?

— Так! — шумела толпа.

— Кто-то из дьяков принёс Софронию чернильницу и перо. Медленно выводил поп каждую букву.

— Ишь ты, не силён в грамоте! — шептал Федюня Саньке. — Мой папаня быстро бы написал, а он вишь как возится: и потеет и вздыхает...

Нашёлся грамотей, который вслух прочёл попову расписку:

— «1830 год. Июня третьего дня. Сим свидетельствую, что в городе Севастополе нет чумы. Сие писано в алтаре в девятом часу пополудни. Протоиерей Софроний Гаврилов».

— Не так! — снова зашумела толпа, — не так! Пусть припишет «и не было»!

Протоиерей, покорно кивая головой, снова взял в руки перо и приписал: «и не было. Протоиерей Софроний Гаврилов».

Ребята, приподнявшись на цыпочки, следили, как Гаврилов ставит свою сургучную печать. Она изображала женщину с весами и круглой надписью: «Вся моя надежда».

Толпа притихла. На всех лицах было торжество: сдался Софроний, побоялся против народа пойти.

Матросы торжественно спрятали протоиерееву расписку, и толпа повалила из церкви.

Протоиерей, вопреки всем духовным правилам, сидел на ступеньках алтаря и вытирал вспотевший лоб. Возле него стояли два дьяка. Завидев притаившихся вблизи мальчишек, Софроний грозно сказал:

— Вон отсюда, нечестивцы! — и швырнул в них подвернувшейся под руку кадильницей.

Задыхаясь от смеха, Федюня и Санька выскочили на паперть и побежали дальше.

Возле дома купеческого сына Дмитрия Можарина шумели мастеровые. Взобравшись на бочку изпод сельдей, перепуганный купеческий сын в порванном долгополом сюртуке читал нараспев, видимо, только что сочинённую им бумажку!

— «Мы, нижеподписавшиеся, даём сию расписку в том, что в городе Севастополе чумной заразы нет и не было, в том свидетельствуем своими подписями севастопольский купец Степан Гах, купеческий сын Дмитрий Можарин, кременчугский мещанин Пётр Горбатов».

— И вторую читай, вторую, чтоб все ведали! — шумела толпа.

И купеческий сын, испуганно шуря глаза, покорно продолжал:

— «Расписка. 1830 год, июня третьего числа. Мы, нижеподписавшиеся, даём сию расписку жителям города Севастополя в том, что в городе Севастополе не было чумы и нет, в удостоверение чего подписы-

ваемся: контр-адмирал Скаловский, генерал-лейтенант Турчанинов».

— Ишь, когда правду-то сказали! — кричали в толпе.

— Пошлём государю расписки — пусть почитает: вона где правда наша! Накажет он злодеев!

Невысокий бородатый унтер говорил солдату в разорванной на груди рубахе.

— Давно пора! Сколько терпим, служивый. Как экипажи живут, — он начал перечислять по пальцам: — щи червивые, хлеб с песком, чарку и ту наполовину водой разбавляют. И всюду так, во всём флоте российском! Душа болит! А быют как? Гляди! — Он яростно рванул рубаху и обнажил худую спину, покрытую синими полосами.

Федюня и Санька со страхом вглядывались в незаживающие рубцы.

— Вона как полосуют нашего брата. А за что? За правду!

Санька дёрнул Федюню за рукав.

— Скорее! — закричал он. — Скорее! Забыл?

— Чего забыл? — удивился Федюня, глядя в взволнованное лицо приятеля.

— Про Алёшку забыл? Как я без него в слободку вернусь, что скажу?

Он кинулся за группой матросов, которые, переговариваясь между собой, торопливо шли к площади.

— Дяденьки! — заорал Санька. — Служивые!

Матросы оглянулись, остановились.

— Ты чего кричишь? — добродушно спросил один, невысокий кудрявый боцман.

Санька, захлёбываясь, начал рассказывать про то, как сегодня на рассвете ушёл с Алексеем в город, как Алексея схватили, а вот он, Санька, остался.

Мальчик говорил бессвязно, путано. Но матросы слушали его молча и внимательно.

— Ослобоните его, дяденьки, — уж плача, просил Санька.

— Пойдёмте! — в свою очередь, отчаянно закричал Федюня. — Это вот туточки, недалече. Я живу там.

— Ну что ж, коли так... — задумчиво сказал боцман. — Надо, видно, помочь. Геройские пареньки.

Все вместе они вошли в уже тихий столыпинский двор. Федюньке было непривычно видеть пустыми полосатые будки по обе стороны ворот: охрана, бессменно дежурившая здесь, исчезла. Возле крыльца валялись какие-то тряпки, бумаги. Федюнька побежал к большому каменному сараю внутри двора, то-ропливо повторяя:

— Вот туточки! Тут у нас заместо тюрьмы. . . Мне сюда подходить не велено. . .

Матросы прикладами винтовок взломали тяжёлую дверь. Внутри было темно, пахло сыростью.

Санька первый вбежал в сарай и закричал что есть силы:

— Алёша! Слышь-ка! Живой ты? Алёша!

Всё было тихо, и Санька несколько секунд стоял не дыша, стремясь разглядеть хоть что-нибудь в этой крошечной тьме. Наконец в углу что-то шевельнулось, и оттуда донеслось:

— Встать не могу. Больно. . .

Боцман зажёл огниво, и слабый свет вырвал из темноты очертания скорчившейся на земляном полу фигуры. Санька подбежал, нагнулся. Он различил всклокоченную голову, запёкшиеся губы Алёши.

— Да что же они с тобой сделали такое? — говорил он задыхаясь. — Да как же это, Лёшенька? Встань, обопрись на меня...

Алексей пошевелился, попробовал встать и не смог. Застонав, он снова опустился на сырой, грязный пол.

— А ну-ка, отойди, паренёк, — раздался рядом с Санькой спокойный голос, и боцман легко поднял на руки ослабевшего юношу. — Вынести его надо из каземата. Тут и я-то задыхаться стал. Помогай, братки!

Матросы подскочили к боцману со всех сторон, и через несколько минут Алексей уже полулежал на широкой садовой скамейке в столыпинском саду. На юнгу было страшно глядеть. Одна рука безжизненно повисла, разбитое колено не сгибалось. А голова была сплошной кровоточащей раной. Боцман чистой ветошью осторожно стёр кровь с лица юнги, умело забинтовал ему голову, потом дал хлебнуть из манёрки.

У Алексея порозовели щёки, и глаза стали опять живые, быстрые.

— Поправляйся! — крикнул ему на прощание боцман. — И дружков своих благодари, что про тебя помнили. А то пропал бы тут в каземате, всеми забытый.

...До Корабельной слободки ребята дошли очень быстро.

Алёша, ещё слабый после всего пережитого, с разбитым коленом, чуть поотстал. Вдруг жилистая рука боцмана Соловьёва легла Саньке на плечо:

— Санюшкă, а где же Алёша? — И, тут же увидев сына, он кинулся к нему: — Лёшенька! Раненый...

Откуда-то, простоволосая, выбежала Даниловна.

Плача, припала к сыну, ощупывала его забинтованную голову:

— Живой, кровиночка моя! А мы уж думали...

— Будет, будет, мать, — сурово говорил старик Соловьёв, не замечая, что и у него текут по лицу слёзы. — Как вырвался-то, Алёша?

Юноша рассказывал оживлённо:

— Схватили меня — и в холодную. Бить начали. Обеспамятовал я. А потом слышу, как сквозь сон: стучат в двери, засовы рвут. Ну, и выпустили меня матросики. Их вон Санька и Федюня привели...

Санька угрюмо молчал. Вот ведь везёт же человеку — каким героем вернулся в слободку! А он, Санька, потолкался там в городе, а так ничего и не добился. Федюня угадывал мысли друга. Он подтолкнул его локтем и сказал:

— Зато он, гляди-ка, избит весь.

Санька промолчал и старался не глядеть на Федюню. И чего, спрашивается, утешает? Нашёл чем...

Наталья, увидев Саньку и Федюню на улице, попросила:

— Сходили бы, сынки, в город, добыли мучки. Вот деньги. — Она сунула Саньке несколько медяков. — Может, какую лавку найдёте открытую, а то вовсе нечем нынче девчонок кормить.

Обрадованные этим поручением, они побежали обратно в город. Муку они купили скоро и бродили сонные, усталые, но ни тот, ни другой не хотели идти спать. Они присели отдохнуть на незнакомом крыльчике и вдруг услышали крик, который нёсся со стороны большого двора, окружавшего дом одного из карантинных чиновников.

Сон слетел сразу. Федюня и Санька помчались к месту происшествия. К удивлению ребят, во двор

их не пустили женщины. Последних было много. Они стояли тесным кругом во дворе, а из середины этого круга неслись отчаянные вопли:

— Ой, бабоньки, больше не буду! Ой, бабоньки родные, больше не буду! Ой, люди добрые, ой, спасите! Ой, несчастная моя головушка!

Сквозь эти крики и гул бабьих голосов слышны были хлёсткие удары по чему-то мягкому.

Как было не огорчиться? Неужто так уйти, ничего не узнав? И вдруг от толпы баб отделилась Нюшка. Она бежала к друзьям, раскрасневшаяся, с расплетёнными косичками.

— Что это там? — торопливо спросил Санька.

— Щекотиху наказываем, — торжественно и важно произнесла Нюшка: — грабить задумала. Поймали её бабы с двумя узлами: несла из столыпинского дома. Бьют сейчас линьками, чтоб больше неповадно было мародёрничать... Ну, я пошла. — И Нюшка, гордо тряхнув косичками и захватив купленную друзьями муку, снова исчезла в толпе женщин.

— Поделом ей, змее! — сказал Санька. Внезапно глаза его сузились. — А помнишь, как она тогда мужикову одёжину купила?

Федюня кивнул.

Они подождали, пока затихли Щекотихины крики и бабы одна за другой покинули двор. Возле дерева осталась лежать всхлипывающая Щекотиха.

Увидев, что никого уже нет, она поднялась, оправила разметавшиеся юбки и, прихрамывая, поплелась прочь, бормоча проклятья.

Ребята присели и принялись обсуждать, чем же заняться. Домой идти Федюня боялся — попадёт от отца за то, что удрал не спросясь.

— Айда к нам, — предложил Санька.

Они снова двинулись по знакомой дороге, только теперь уже не прячась. Из города и в город сновал народ. Ребята шли по окраинам, мимо огородов, чтобы срезать путь, и вдруг увидели непонятную фигуру.

Оборванный человек в коротких штанах, в рубахе, лохмотьями свисавшей с его груди, крался по огородам, боязливо озираясь. На его всклокоченной голове смешно выглядела красная турецкая феска. Он то припадал к земле, извиваясь всем телом, как побитая собака, то поднимался и вытягивал шею, как гусак, вглядываясь и вслушиваясь.

Ребята с интересом разглядывали его. Увидев мальчиков, он на секунду приостановился, но затем, юркнув в сторону, побежал снова. Смеясь, больно уж чудён был встретившийся человек, ребята зашагали дальше.

Они прошли шагов двести, как вдруг навстречу им спустился отряд матросов. Впереди шёл весёлый, говорливый Самойло Бондаренко. Он часто бывал в доме у Санькиного отца. Узнав Саньку, Самойло приветливо кивнул:

— Не видели ли, мальцы, тут лекаря Верболозова? Сбежал, а нам надо с ним кое-какие счётики свести.

Ребята переглянулись.

— Пробежал тут один такой, рваный. . . — неуверенно начал Санька.

— В красной феске, — подхватил Федюня.

Матросы переглянулись и захохотали.

— Ишь, переоделся его благородие. Боятся, что узнают! Понимает — несдобровать, коли найдём, — весело сказал Самойло. — Ну ладно! Куда, говорите, пошёл?

И матросы кинулись по следам неудачливого лекаря.

А Верболозов, ибо это действительно был он, свернув в сторону, скатился в овраг и припал к земле, как затравленный зверь.

Когда он наконец решился выползти, то прямо перед собой, на краю обрыва, увидел босые пятки и замер. А Санька, ничего не подозревая, весело говорил:

— Сейчас попьём. Тут ручеёк протекает. . .

Он наклонился и, увидев лекаря, тихо ахнул. Над оврагом склонилась веснушчатая рожица Федюни и тоже вытянулась при виде головы в красной феске.

Первым опомнился Санька. Скорчив умильную гримасу, он протянул:

— Вы, дяденька, небось тоже ручеёк ищите? Ай-да, мы вам покажем.

— Да, да! — дрожа всем телом, бормотал лекарь. — Покажите, добрые мальчики. . .

Все вместе они подошли к ручью и стали жадно глотать студёную воду. Потом, осмелев (ну что могут знать о нём мальчишки!), Верболозов предложил равнодушно:

— А теперь давайте вместе идти. Веселее. Проводите меня на десятую батарею.

— Ну что ж, — согласился Санька, незаметно подмигивая Федюне, — и проводим. . .

Он направился было к большаку, но лекарь запротестовал:

— По огородам, по огородам, тут поближе будет. Приустал я.

Санька, вздыхая, повиновался. Ему, конечно, хотелось сразу вывести лекаря на большак: там сейчас народу много проходит, его тут же и схватят. Но,

боясь, что лекарь разгадает его планы, Санька равнодушно согласился:

— И то, огородами ближе. . .

Лекарю положительно везло: на всём большом пути они не встретили ни одного человека. Федюня уже заметно нервничал, то и дело взглядывая на Саньку: а ну, как никто и не встретится, а ведь батарея уже близко. Укроют там лекаря, и матросы уже не разыщут его. Но Санька только слегка поводит плечами — что ж делать-то! А то догадается и вовсе сбежит!

Они подошли к батарее, и Верболозов, сразу потеряв всю настороженность, бешено заколотил в дверь:

— Откройте!

Часовой за дверью спросил:

— Пароль!

— Какой там ещё пароль! — вопил Верболозов. — Командира давай! Трусы!

За дверью немного помолчали, потом послышались шаги часового, чей-то негромкий разговор.

— Откройте! — вновь завопил лекарь.

За дверью раздался спокойный, властный голос:

— Кто тут стучит? Кто меня спрашивает?

— Это я, я! — обрадованно говорил лекарь. — Я, Верболозов, меня бунтовщики ищут. Спасите, укройте. . .

За дверью помолчали. Офицеры не любили Верболозова: они знали обо всех его грязных проделках.

— У нас здесь семьи, — наконец произнёс командир. — Они из-за вас пострадать могут безвинно. Спрячьтесь-ка лучше в другом месте.

Верболозов кричал, стучал кулаками в дверь, но за каменной стеной наступило глубокое презрительное молчание. Задыхаясь, он повернулся к ребятам, и Санька еле-еле успел погасить торжествующую улыбку.

— Пойдёмте, мы вас, дяденька, сведём к одной старушке, — говорил Санька ласково и просительно, — она вас укроет. . .

— Пойдём, пойдём, — бормотал лекарь почти в беспамятстве, — скорей!

И он так быстро направился к огородам, что ребята еле нагнали его.

Теперь уже впереди шёл Санька. Он перелез через плетни, завернул в рощицу, поросшую кустарником, и, наконец, свернул к кладбищу.

Верболозов, не задавая вопросов, шагал следом, а Федюня недоумевал: что это Санька задумал? Он сгорал от любопытства, но вынужден был молчать.

А Санька, быстро обойдя могилы, наконец остановился у одного холмика с только что насыпанной, ещё не успевшей засохнуть землёй. Федюня взглянул на друга и не узнал его: глаза Саньки горели, он выпрямился, расправил плечи.

— Пришли, ваше благородие, — зазвенел его голос.

Верболозов притих, с недоумением глядя на этого вихрастого мальчишку, которого он считал прощачком.

— Вот здесь и укроетесь! Здесь бабушка Матрёна из Корабельной слободки лежит. Её ваши мортусы задушили.

Тут Санька стремительно повернулся и увидел группу Самойла Бондаренко, пробирающуюся через кусты.

— Сюда, служивые, сюда, здесь он, убивец! — прокричал Санька.

И матросы быстро повернули в их сторону.

Верболозов грубо выругался, потом кинулся к Саньке и, выхватив офицерский кортик, запря-
танный под рубахой, дважды наискосок ударил его.

Мальчик слабо охнул и упал лицом прямо на могилку бабушки Матрёны.

Через несколько минут матросы уже вязали Верболозова. Обеспамятовавшего Саньку они подняли на руки и медленно понесли в слободку. Федюня, всхлипывая, плёлся следом.

Целых четыре дня матросы распоряжались в городе и слободках. Карантин был снят, и люди беспрепятственно ходили по дорогам.

На улицах, в домах говорили теперь новые, удивительные вещи про царя. Он всегда казался им ласковым, добрым, всевидящим. Но вот вчера Федюня, пришедший навестить друга и, по привычке, вмешавшийся в толпу людей, которая собралась у дома Тимофея Иванова, услышал, как невысокий человек, лицо которого было в тени, негромко рассказывал:

— Вот пришёл вам сказать. Сам читал. Царь на нас, севастопольцев, милостивое внимание обратил. Приказ его наизусть помню: «Секретно. Принять меры, чтобы чумная зараза, держащаяся в Севастополе, не распространялась».

— Это что же? — раздался взволнованный голос старого яличника. — Значит, нас, матросиков, испугался? А мы-то ему всё по правде отписали и расписки послали, что чумы нет! А он не поверил. А ну, писарь, сказывай дальше...

Невысокий человек кивнул и снова заговорил:

— Приказано генерал-губернатору Воронцову

немедленно отправиться к нам в Севастополь. Занять место убитого Столыпина. Адмиралу Грейгу приказано командовать морскими частями. Видели уже новых начальников? Комиссия следственная работает вовсю, зачинщиков ищет. Это нас с вами...

Федюне на минутку показалось, что это его отец. Он пытался разглядеть лицо говорившего, но не смог.

Он слышал только хриловатый, очень знакомый голос. Федюня попытался пробраться поближе, но его оттеснили...

Вечером же в слободу явились два младших офицера, чтобы взять пушки, захваченные восставшими в первый день.

Федюня спросил Ньюшку:

— Неужто отдадут? А сами-то как теперь, если солдаты придут царские?

— Не отдадут, — убежденно говорила Ньюшка, блестя глазами, — не можем мы их отдать. Наши они теперь. Насовсем.

Но волнение и возмущение, охватившее людей в эти дни, уже стихало. Многие уже устали, женщины попросту радовались, что снято карантинное оцепление. Значит, не о чем больше толковать. Вот и пушки решили отдать, если офицеры подпишут, что они возвращены без всякого сопротивления.

Тимофей Иванов глухо читал вслух расписку:

— «Дана сия в том, что пятого числа, июня месяца жители слободки Корабельная бухта отдали пушки без всякого спора и прекословия третьему батальону двадцать второго егерского полка, егерской роты. В том даём сию расписку: ротный командир подпоручик Маковеев, подпоручик Швейловский».

Козьма Фролов, который до этого молча стоял у крыльца, внезапно хлопнул оземь фуражку и кинулся к пушке.

Офицеры переглянулись, толпа дрогнула, заволновалась.

— Как же так, братцы? — закричал Козьма отчаянным голосом, оглядывая всех блуждающими, полными муки глазами. — Как же сами отдаём пушку-то?..

Все молчали. А Козьма, выкрикивая уже что-то совсем бессвязное, понятное только ему, обхватил пушку обеими руками и замер, прикрывая орудие всем телом. Пушкаря била дрожь, а на лбу выступили капли пота.

Тимофей со сморщенным, страдальческим лицом вместе с Фёдором Пискарёвым принялся отрывать руки Козьмы от холодного металла.

— Уймись, браток! Подчиниться должны...

Федюня, весь дрожа, смотрел, как слобожане обступили Фролова, оторвали его от пушки и понесли...

Утром 7 июня Нюшка, ночевавшая у больного Саньки, была разбужена чьим-то плачем. Она открыла глаза и увидела Агашу: та полулежала на лавке и билась головой о стол.

— Чужало моё сердце, чужало! — стонала она. — Пропадём все, Натальюшка!

Увидев, что Нюшка смотрит с удивлением, Наталья заговорила горестно:

— Схватили всех ночью, и Тимофея, и Кондрата. — Она помолчала. — Всех! И твоего батю, доченька, и Алёшу... Головушки наши горькие. Что теперь будет?

Нюшка торопливо одевалась. Дверь открылась,

в неё просунулся Федюня. Он вошёл как-то боком и молча сел у стола не здороваясь. Нюшка поглядела на него.

— Всех ваших схватили, — прошептал Федюня, косясь на спящего Саньку. — Всё возят и возят в блокшивы арестантские. У нас в доме теперь граф Воронцов лютует. Его сам царь прислал. Папаня говорил, над вашими суд строгий будет.

Наталья, понутив голову, слушала. Потом спросила:

— Сам видел, как возят?

Федюня кивнул:

— Папаня говорил — сказнят многих.

Агаша снова заплакала:

— Не увижу я больше Тишу!

Наталья вздохнула:

— Что же сделаешь теперь. Ждать будем, такая наша бабья долюшка. . .

За несколько дней опустели Корабельная слободка и Хребет Беззакония. Остались в домах только женщины да малые дети. А мужчин всех угнали в арестантские роты.

Возле блокшивов, куда свезли слобожан, дни и ночи толпились плачущие жёны, матери, сёстры. В руках их были жалкие узелки с нехитрым провиантом, с одежкой.

— Дайте хоть лепёшку передать, — умоляла Агаша бородатого унтера, — рубашонку сменить дозвоьте! . .

Унтера грубо отгоняли женщин прочь, а те опять приходили на берег и в отчаянии глядели туда, где вздрагивали на серой воде блокшивы. Снова неслись горькие мольбы, но часовые мрачно отводили глаза: приказ был суров — никакой поблажки бунтовщикам.

— Гонят вон! — плакала Агаша. — С голоду хотят уморить родимых наших!

Даниловна, постаревшая за эти несколько дней, говорила сурово:

— Помолчи, Агаша, негоже тебе плакать. Муж твой за правду страдает.

Притихшая Нюшка глядела на мать, дивилась. Вон ведь какая — слезинки не выронит! А там, в блокшивах, у неё двое...

Каждый день в слободку приезжали офицеры и чиновники графа Воронцова, ходили, допытывались:

— Кто в город уходил третьёва июня? Кто красномольные слова выкрикивал?

Слобожане молчали, ни в чём не подводя своих. И только Щекотиха, разряженная по такому случаю в яркое шёлковое платье, охотно рассказывала, низко кланяясь:

— Много злодеев в город ходило. Старый разбойник Соловьёв, саблю, вишь, набок подвязал. А дружок его Шкуропелов дубину из рук не выпускал. Сами хороши и молодых тому выучили. Алёшка-то Соловей всех на бунт поднимал да дружки его закадычные помогали.

Она припоминала всё новые и новые подробности, сыпала всё новыми и новыми именами.

— Бабы и те стыд потеряли, — вздыхала она. — Святой колокол не пощадили. В набат-то ударили две бабёнки — жинки мастеровых Машка Гринченкова и Аграфена Тетюнина. Церковный сторож, спаси его бог, вырвал верёвку из злодейских рук, да и порезал её ножом, а они, подлые, сторожа оттолкнули, уронили наземь да всей толпой на колокольню. Тут и соловьёвская жинка была, и Агашка Иванова, квартирмейстрова.

Щекотиху внимательно выслушивали, записывали.

Днём и ночью заседала военно-судебная комиссия. Федюнин отец почти не бывал дома. Он переписывал показания, допросы и возвращался домой полумёртвый от усталости.

Однажды утром, когда они вместе завтракали, Федюня уловил на себе тревожный и грустный взгляд отца.

— Ты видаешься с дружкой своим? — спросил он, отставляя кружку с парным молоком.

Федюня хотел было солгать, но не смог.

— Видаюсь, — сказал он тихо. — Люб он мне, папаня. А как Верболозов его чуть не убил — и во все. Выздоровливать начал.

Писарь вздохнул.

— Боюсь, расстанётесь вы скоро, дружки закадычные, — сказал он загадочно.

Федюня встрепнулся:

— Почему? Скажи, папаня!

Но писарь, испугавшись и за эту нечаянно сорвавшуюся фразу, торопливо встал:

— Ладно, ужо поговорим.

Он ушёл. Федюня был в смятении. Он чувствовал: мать что-то знает. Слишком уж часто сегодня её тёплая мягкая рука гладит Федюню по затылку. Он ходил за матерью, расспрашивал, вымаливал, и наконец она сдалась.

— Отцу только не говори, сыночек, — шептала она, опасливо озираясь на дверь, в которую могла войти стряпуха. — Приказ есть царский: высылать будут всех из слободки в далёкие места.

— Куда, мама, — допытывался Федюня, — кого?

— Не ведаю, сынок, — шептала женщина, — толком ничего не ведаю. Сказал мне отец нынче, что

жён всех и детей малых в ссылку отправляют, а что и как — невдомёк.

Придя в присутствие, Федюнин отец по приказу начальства сел переписывать секретные донесения. Он видел то, что было скрыто от матросов и жителей слободки.

Им неведома была такая, например, необычная бумага, полученная только что на имя начальников армиями:

«Его императорскому величеству благоугодно, дабы несчастное происшествие, в Севастополе случившееся, до времени не было разглашаемо». Писарь понимал: боится Николай I, самодержец всероссийский, чтобы не перекинулась севастопольская зараза на все суда, на все порты. Ведь всюду одно и то же: голод, муштра, линьки. Как же не бояться царю, что везде матросы захотят плечи распрямить!

А новые начальники Грейг и Воронцов ещё больше царя обманывают, запугивают. Писарь из грейговской канцелярии давеча такое рассказывал... Лгут, кляузничают. И то ведь, что же им остаётся делать: каково правду писать. Ведь все бунтуют — и матросы, и адмиралтейские, и жители. Грейг всё валит на гражданские порядки: замучили народ карантинном, чуму придумали, жить людям не дают, вот и бунт вспыхнул. А Воронцов, наоборот, отписывает: у Грейга безобразие на судах, матросов голодом морят, избивают — отсюда и бунт. Получает царь все эти донесения, пугается и лютует всё больше и больше.

Вот и нынче пришёл новый страшный царский приказ:

«Жён и всех прочих женщин, живших в так называемых слободках, выслать из Севастополя, куда кто пожелает. Слободки же уничтожить совершенно.

Детей мужска пола, участвовавших в бунте, старее пяти лет, передать в распоряжение графа Витте для отсылки через военное поселение в батальоны военных кантонистов».

Рука писаря дрожала над этим документом. Тысячи людей ссылались «куда хотят». Писарь понимал, что это значит: женщины, неся на спинах скерб и малышей, должны покинуть насиженное место и идти к Архангельску, к Мурому. . . Как-то сложится их жизнь? А детишкам «старее пяти лет», таким же, как Федюнин дружок Санька, уготована жестокая участь вечных военных поселян. Начальник военных поселений граф Витте славится своей жестокостью. Горько придётся там свободному сыну Корабельной слободки Саньке.

Писарь вспомнил светлые открытые глаза мальчика, такие чистые и ясные. Вздыхнув, он осторожно положил документ в толстый казённый пакет и, захватив копии, переписанные витиеватым закруглённым почерком, понёс их своему начальнику.

По желанию царя, севастопольские власти вели следствие с необыкновенной быстротой. 7 июня начались аресты, а уже 11 августа по распоряжению Воронцова одновременно в трёх концах города — в Корабельной слободке, у Артиллерийской бухты и у шлагбаума — были совершены первые публичные казни «в целях устрашения» наиболее активных участников восстания, как значилось в приказе.

Санька не видал, как погибли на глазах у родных и близких Тимофей Иванов, отставной яличник Кондратий Шкуропелов, отец Нюши — старый боцман Степан Соловьёв. Три недели пролежал мальчик в жесточайшей горячке и не слышал послед-

них слов Тимофея, заглушивших даже барабанный бой:

— Прощайте, братцы! Не сдавайтесь! Верх наш будет!

Когда Санька очнулся, то увидел возле себя худую, бледную мать и Федюню, который почему-то сразу отводил глаза, как только Санька слабым голосом начинал расспрашивать его о последних новостях.

В этот первый день выздоровления друга Федюня ничего ему не сказал. Но Санька видел, что тот не в себе, и настойчиво требовал правды. Федюня остался ночевать, прикорнув здесь же, на лавке, у окна. И ночью, когда луна светила в окно, Санька добился ответа.

— Всех сослали, — всхлипывал Федюня: — и Семёна Цивилина — фельдшера, знаешь, этого, с трубкой, и шкиперского помощника Александра Кузьмича, того, который нам ружьё разбирать давал... и дядю Тимофея!.. Из слободки семьдесят пять человек...

— А Алексей? — глухо спросил Санька.

— Алексей к гражданской смерти приговорён, — шептал Федюня.

— Что это — гражданская смерть? — тревожно спросил Санька.

— На всю жизнь на каторгу. Понимаешь, на всю жизнь! — Федюня вдруг зарыдал.

Санька утешал его:

— Ну что же ты так убиваешься? Что же теперь делать-то?

Но Федюня не мог проговорить ни слова, отчаянно тряс головой и захлёбываясь от слёз.

— А тебя, — шептал он, — тебя...

Санька даже рассердился.

— Ровно девчонка ревёшь! — сказал он сурово, чувствуя, что к горлу тоже подступают слёзы. — Что со мной? Вот я тут.

Тогда Федюня, приподнявшись, почти крикнул:

— Высылают тебя на военное поселение! Царь приказал.

Санька растерялся:

— Так ведь я малолетний ещё, — сказал он неуверенно.

Федюня продолжал в отчаянии:

— Всех малолетних. Вон Кольке Шкуропелову шесть лет, и его тоже.

Санька поник головой. Он не мог представить себе, что его вот так возьмут и увезут куда-то в холодное военное поселение, где не будет ни матери, ни сестрёнок, ни Нюши, ни Федюни, и он никогда не увидит отца и не прижмётся к его широкой груди.

— Откуда знаешь-то? — продолжал спрашивать Санька.

— Приказ читали на площадях, — торопился Федюня. — Я раньше знал, у отца выведал про это, но надеялся, может, помилуют.

— Когда забирают, не слышал?

— Скоро. Через несколько дней всем собраться велено. Мать твоя уже готова.

— Почему мать? — удивился Санька.

И Федюня испуганно замолчал, поняв, что проговорился.

Они с Натальей не хотели пока сообщать ещё слабому после болезни Саньке, что Наталью с малолетними дочками выгоняют из родного угла.

— Их тоже на поселение? — спросил Санька требовательно.

И Федюня не мог смолчать.

— Слободку сроят, все дома пожгут, — говорил он. — А ваших, куда хотят...

Наступило молчание. Санька первым его прервал.

— Пойдём к камню, — сказал он тихо, — может, в последний раз посидим у моря.

Тихонько они выскользнули из избы. Августовский вечер пахнул на них свежестью. Светлые звёзды висели над морем и отражались в спокойных волнах. Сзади слышались тихие шаги. Мальчики обернулись. Это была, конечно, Нюша. Похудевшая, вытянувшаяся, но спокойная и строгая, она сейчас чем-то очень напоминала Даниловну. Сразу исчезла весёлая беспечность, уступив место молчаливой сдер-

жанности. Она присела на камень рядом с друзьями и тоже молчала. Санька спросил:

— Когда собираетесь?

Нюша устало повела узкими плечами.

— Сложено всё у мамани. Наверное, после-завтра. Дождёмся, как Алёшу привезут, — отправ-ляют их завтра вечером.

Снова наступило молчание. Каждый понимал — последний вечер проводят они вместе. Кончилось детство.

Нюша встала. Мальчики глядели на неё. Лунный свет ложился на её бледное лицо. Она протянула руку сначала Саньке, потом Федюне:

— Прощайте. Может, завтра некогда будет. Я пойду, а то маманя одна. Плачет всё...

Мальчики молча следили, как маленькая фигурка двигалась по дороге, потом исчезла.

До утра они сидели у моря и разговаривали так, ни о чём... О главном было говорить невозмож-но... Потом Федюня дошёл с Санькой до его дома и сказал:

— Я приду проводить.

Санька молча кивнул и вошёл в дом. А Федюня, не оглядываясь, побежал к городу.

Тяжёлую неделю пережила Наталья. Саньку за-брали на блокшивы, как арестанта. Мальчиков дер-жали там взаперти, и матери не могли пробраться к детям хоть на минутку, чтобы увидеть родимых, передать лепёшку или горсть тыквенных семечек. Наталья ходила на поклон к новому начальнику ге-нералу Воронцову. Перед его домом день и ночь де-журили матроски, стремясь увидеть адмирала, вы-просить пощады детям. Наталья хотела только одного — узнать, где муж. Послать ему весточку, предупредить, что не найдёт он их больше на старом

месте. Но женщин не пустили к генералу. Грубые унтера, размахивая шашками, отгоняли их от ворот:

— Нечего вам тут шляться! Ступайте прочь, бунтовщицы!

Три дня и три ночи простояла Наталья у ворот адмиральского дома, так ничего и не добившись. Она стояла бы и ещё ночь и ещё, но как-то на рассвете со двора вышел высокий немолодой человек в форме военного морского писаря. Он прошёл сначала мимо, скользнув по ней равнодушным взглядом, потом ещё раз оглянулся, посмотрел внимательнее и подошёл, торопливо оглядевшись.

— Обличье твоё знакомо, — заговорил он тихо. — Не Санькина ли мать?

Она кивнула, с надеждой глядя на него. И сразу догадалась:

— Неужто отец Федюни?

— Он самый, — говорил, торопясь, писарь. — Зачем стоишь тут, шла бы домой. В путь бы готовилась. — Он вздохнул. — Ничего добиться не сможешь. Приказ царский, — шепнул он ей на ухо, — кто его преступить смеет?

— Да мне бы только мужу весточку послать, — проговорила Наталья, стараясь сдержать подступающие слёзы.

Писарь отрывисто засмеялся:

— Кто же тебе разрешит на корабли такую смуту писать? У них и так там, на кораблях, тревожно: против пищи бунтуют непотребной, против линьков. Разве допустят, чтобы отсюда, с воли, письма в ихние корабельные застенки шли? Вовсю забушуют матросики.

Наталья слушала его, не поднимая глаз. Вот и пропала последняя надежда, что узнает Иван, услышит, поможет.

Писарь глядел на неё тревожно и жалостливо. Она поправила сбившийся на ветру платок и усталой походкой пошла по дороге в Корабельную слободку.

А утром к ней в дом, как и в другие дома, пришли солдаты.

— Собирайся! — грубо сказал унтер и пнул ногой заранее приготовленный узел. — Чтоб через час духу твоего не было.

— Может, ночь скоротать позволите? — робко говорила Наталья. — Завтра сыночка моего отправляют, так вот посмотреть, проститься...

Наталья увидела, как один из солдат отвернулся, страдальчески хмуря брови, другой, потупившись, глядел вниз. Конечно, в эту минуту они вспомнили свои семьи, которых тоже, может быть, ждёт такая участь. Но на лице унтера ничто не дрогнуло. Он повторил сердито:

— Быстро! Через час вернёмся, так чтоб здесь никого не было! — Потом он повернулся и вышел.

Солдаты, вздыхая, вышли следом, осторожно придерживая дверь.

Наталья повернулась к девочкам.

— Зина, собирай Таньку, — сказала она негромко. — Там твоё пальтишко худенькое есть, надень на неё. А то зазябнет, ночь-то на улице проведём.

Она и не помышляла, что может уйти, не свидевшись с сыном, не сказав ему последнего материнского слова... Ох, и нехитрые были сборы! Всю одежонку, что получше, успели продать, обменять на хлебушек. Так осталось кое-что: платишки девчонок, платки старенькие... А, главное, тёплого почитай что ничего. Сама-то, ладно, как-нибудь. А вот дочки...

Женщина принялась собирать узлы.

В эти дни в одном порту нечаянно произошёл разговор боцмана корвета «Славный» с приезжим купцом. Боцман ходил по базару, разглядывая, что бы купить домой. С трудом копятя матросские денежки. От положенной чарки отказывался боцман, экономя медяки на невыпитой водке, курил табачок самый дешёвый, не справлял себе ничего. Мечтал привезти жене заморский платок, дочкам на платье, а сыну настоящий кинжал, чтобы завистью горели глазёнки у всех слободских мальчишек.

Боцман остановился у лавки, где были развешаны шитые золотом платки. Долго щупал богатую ткань, выбирал. Ещё какой-нибудь месяц — и Наташа накинёт на косы заморский платок, улыбнётся... Три года не виделись, не узнать теперь ребятишек.

Он уже хотел попросить хозяина завернуть ему отобранную вещь, как вдруг до его слуха донеслось:

— А Корабельную слободку скрыть решили...

Не помня себя, он вмешался в разговор хозяина лавки и человека с бритой головой.

— Слышу, про Корабельную слободку говорите, — сказал он взволнованно. — О Севастополе речь держите?

Оба замолчали. Хозяин лавки сказал осторожно:

— А тебе, милый человек, пошто требуется, почему это тебя наш разговор заинтересовал?

— Живу я в слободке, — торопливо объяснял боцман, — семья у меня осталась... Жена Наташа. Душа в душу жили. Сынок Санька — смышлёный такой, желанный. Дочки две, малолетки ещё, а тоже

все в Наташу — ладные, хозяйственные. Все ждал, вот-вот встретимся. Душа у меня по ним изболелась.

Собеседники быстро переглянулись, примолкли, потом тот, что с бритой головой, сказал успокаивающе:

— А ты не горюй. Жену найдёшь. ... Там списки составляли, кто куда. Может, в Архангельске она, может, в Муроме. ...

— Да вы что, шутите? — с болью вырвалось у боцмана. — Христом богом прошу, расскажите, что там случилось! Мы ведь на кораблях, ровно как в темнице, от всего мира отрезаны.

Бритоголовый человек глядел на боцмана испытующе, словно проверяя, можно ли рассказать ему. Но, увидев на его лице подлинную муку, начал:

— Так вот, вернулся я из тех краёв позавчера. ...

Молча выслушал боцман рассказ о Корабельной слободке. Спросил побелевшими губами:

— Значит, и сына не увижу? Навечно на поселение?

— Так-то, служивый, — вздохнул хозяин лавки, — время, вишь, тревожное. ...

— Платок я отбирал, — заговорил боцман, неуверенно теребя пальцами яркую бахрому, — возьму я его, хозяин, может, свижусь с Наташей. ...

Купец торопливо завернул платок. Боцман отсчитал деньги. Они, звякнув, ударились о прилавок.

Прижимая к груди покупку, боцман шёл вперёд, ошеломлённый, потерянный. Где-то сейчас Наташа, где Санька, сынок?

На корабле он спустился в кубрик и повалился

лицом в подвесную койку. Рулевой, пришедший с вахты, тронул его за плечо:

— Или случилось что?

Задыхаясь, боцман передал ему то, что услышал от купцов.

— Поднимается народ, — сказал рулевой, и глаза его блеснули. — Знал я Тимофея Иванова — правильный был человек. — Он снял шапку и перекрестился. — Подниматься надо всем, понял, Семён?

— Понял, — сказал боцман. В голосе его прозвучали непривычные нотки.

Рулевой взял его за руку.

— Расскажешь потом нашим матросикам, пусть знают, — сказал он зло, — настанет наш час!

Когда рулевой ушёл, боцман спрятал заветный платок на дно матросского сундучка. Шевельнулась вдруг неясная надежда: может, он ещё свидится с Наташей и передаст ей шитый золотом платок...

* *

*

...А Санька стоял на шаланде, на которую их погрузили час назад. Конвоиры с мрачными лицами отталкивали от шаланд рвущихся к сыновьям матерей. Истошный женский крик стоял над бухтой.

— На погибель везут!

— Сыночек, родимый!

— Ох, смертынька моя пришла!

— Кровиночка!...

На дороге Санька увидел мать и сестрёнок. У всех трёх за спиной были котомки. Даже Танька, четвёртая, самая маленькая, держала в руках поклажу. Босые, они стояли на холодной земле, сентябрьский

ветер рвал с их голов платки. Наталья не кричала, не плакала, но Санька видел её бледное лицо и сразу ввалившиеся глаза.

Федюня провожал друга. Он успел сунуть ему в руки какой-то узелок и шепнуть:

— Не робей, Санька, свидимся ещё!

Гребцы ударили по неподвижной воде, и шаланда тронулась, навсегда увозя Саньку из Корабельной слободки.

ДЛЯ МЛАДШЕГО И СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Волк Ирина Иосифовна

САНЬКА ПОКИДАЕТ СЛОВОДКУ

Историческая повесть

Ответственный редактор *И. И. Прусаков*
Художественный редактор *М. Д. Суховцева*
Технический редактор *Т. В. Перцева*
Корректора *В. П. Кучерова* и *К. П. Тягельская*.
Сдано в набор 15/II 1960 г. Подписано к печати 12/V 1960 г. Формат 60 × 84^{1/16} — 6 печ. л. — 5,48 усл. печ. л. (4,06 уч.-изд. л.). Тираж 165 000 (1—60 000) экз. Цена 2 р. 40 к.

2-я фабрика детской книги Детгиза Министерства
просвещения РСФСР. Ленинград, 2-я Советская, 7.
Заказ № 37.

2 р. 40 к.